

Нерия Кроуз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нерия Кроуз

Дело о ДУ

<https://litres.ru/74634672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если интернет-фольклор шагнёт в реальность? Именно это происходит с героями: они не искали Крипипасту — она сама вышла на них. Настоящие, живые убийцы. Со своей личностью и мотивами.

Первое убийство от 23 июня стало тихим выстрелом из ружья.

Записки больше не бред сумасшедшего, а животный ужас, обличающий душу. Правила игры прежние. Но вопрос не в том, справятся ли герои, — а в том, смогут ли они собрать себя заново и жить дальше. Или рассудок уже не вернуть.

Крипипаста не умерла. Она выросла вместе с нами и слилась с обыденностью — настолько, что ты не заметишь, как она уничтожит тебя. А светлое чувство любви обрекает на трагедию.

Врач-психиатр попыбует составить нумерологический портрет убийц, а полицейским придётся переосмыслить суть Присяги и столкнуться с выбором между долгом и собственными чувствами.

"К книге прилагается мини-игра, в которой ты можешь попробовать провести собственное расследование по протоколам, отыскать свои мотивы и состроить свой сюжет."

Содержание

От автора	5
О книге	7
Запись ⊗	9
Кадр № 1	10
Кадр № 2	12
Запись № 1. Знакомство	16
Кадр № 3. Окружение	17
Кадр № 4. Взаимосвязь	20
Кадр № 5. Последствия	29
Запись № 2. Экстренная сумятица	33
Кадр № 6. 102	33
Кадр № 7. 103	38
Кадр № 8. Вне системы	41
Запись № 3. Остатки несуразного вечера	48
Кадр № 9. Благородная девочка	48
Кадр № 10. Интимный ревнитель	54
Кадр № 11. Клетка	60
Запись № 4. Рутинка с подвохом	62
Кадр № 1. Семейное утро	63
Кадр № 2. Госучреждение	67
Кадр № 3. Первые прогнозы	77
Запись № 5. Подозреваемые	82
Кадр № 4. Профессиональные издержки	82

Кадр № 5. Шарашкина контора	88
Кадр № 6. Непредвиденная обязанность	95
Запись № 6. Всплывающие подробности	101
Кадр № 7. Страх журналиста	101
Кадр № 8. Голые факты	106
Запись № 7. Медицинское отношение	118
Кадр № 9. Супруги	118
Кадр № 10. Симптомы	124
Запись № 8. Вскрытие	129
Кадр № 1. Заключение	130
Кадр № 2. Ожившее забытое	144
Запись № 9. Два взрослых мальчика	154
Кадр № 3. Главная улика	154
Кадр № 4. Досадная ответственность	162
Запись № 10. Изъедающая философия	170
Кадр № 5. Причина — смерть	170
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Нерия Кроуз

Дело о ДУ

От автора

Обязательно к прочтению!

Добрый день подошёл к концу. Ведь я Нерия Кроуз, а ты держишь в руках текст, открывающий не только первый цикл, но и целую Вселенную Alitation. Наш фильм "Разрушенная Реальность" является приквелом к нашей Вселенной, открывает арку главных героинь и представляется четвёртой разрушенной стеной между авторами и персонажами сюжетов.

Начнём со знакомства. Свою деятельность я начала в далёкие годы, выложив первое видео по игре Skyforge. Тогда же и был придуман мой никнейм, а впоследствии и псевдоним. Я создавала короткие смешные игровые моменты. Skyforge стал для меня съёмочной площадкой.

Проект Skyforge был закрыт 3 сентября 2025 г. Но он слишком прочно закрепился в сердцах многих. «Игра, что всё ещё живёт на страницах нашей жизни». И есть те, кто решительно настроен на возрождение этого проекта. В мо-

их же планах — увековечить некогда пройденный игроками путь. Рассмотреть Элион в другом формате.

Суть моего проекта — анимационные тексты. Я не хочу останавливаться лишь на одном определении — «книга». Я хочу создавать сценарии, среди которых и будут **жить** герои Вселенной.

Мы существует в группе в ВК и на некоторых других платформах (Alitation, askyvers). Присоединяйся к нашему миру. Там тебя ждут персонажи Вселенной, которые предстанут перед вами и как актёры на съёмочной площадке. Много фото, дополнительной информации и сюжетные видеотрывки. Ищи пасхалки, раскрывай свою историю, влияй на сюжет или стань "голосом" своего любимого героя.

До конца 2026 года планируется выход озвученной версии «Дела о ДУ». Заходи к нам, чтобы принять в этом непосредственное участие.

Будем рады быть с вами на связи и отвечать на ваши вопросы.

О книге

«Дело о ДУ» является своеобразным фанфиком по крипинасте. Некое переосмысление, взгляд под другим углом. Более реальным, но от того не менее жутким. Вернитесь к истокам и вспомните, что на самом деле крипинаста — про страхи из повседневной жизни. Она то, что невидимо окружает и опутывает, задевая душу.

Если ты не знаешь, что такое крипинаста, — замечательно! У тебя будет прекрасная возможность не просто узнать, а почувствовать. Именно на этом закреплён наш фандом. Мы не знаем своих персонажей, мы их чувствуем и понимаем. Именно ты, как ни один фанат крипинасты, сможешь осмыслить её суть через знакомую призму реальности, наполненную проблемами и душевными переживаниями, что мы привыкли не замечать и отгонять от себя.

Сразу хочу сказать, что последующие тексты первого цикла будут предназначены для тех, кто желает глубже погрузиться в мир крипинасты. Если «Дело о ДУ» является более общедоступным для понимания, то далее построение сюжета будет основываться на более тонкой связи с фандомом и каноном без двусмысленной интерпретации.

Знакомые с крипинастой смогут переосмыслить данное явление. Мне нечего вам сказать. Я такая же фанатка, про-

знавшая о крипинасте в свои далёкие детские годы. Мне и не вспомнить, с чего начинался мой путь. Воистину будут слова: не ты выходишь на крипинасту, а крипинаста выходит на тебя. У вас будет возможность погрузиться в свой любимый мир через призму повседневности. Крипинаста не забыта, не умерла. Она выросла вместе с нами, запрятавшись глубоко внутри тебя. И ты её не признаешь, но обязательно уловишь мотивы.

**Итак. Добрый день подошёл к концу, ведь
я Нерия Кроуз, и... Приятного просмотра!**

Трейлер «Дело о ДУ»: <https://cloud.mail.ru/public/cMia/LJybnaPD1>

Приквел «Разрушенная Реальность»: <https://cloud.mail.ru/public/Rdr5/RM986FFJD>

Запись ⊗

12:10:20#1

Краткая справка:

Такой известный персонаж, как Слендермен, имеет и другое имя/обозначение — Оператор, пришедшее и в итоге принятое фандомом под один образ из веб-сериала «Мраморные Шерини».

В тексте присутствуют сокращения имён персонажей крипинасты, используемые фандомом; или употребление имени отдельно от прозвища, и наоборот.

«Безликие» — ещё одно описание, относящееся не только к Слендермену...

Кадр № 1

Каждый по-разному проводит свой вечер в питомнике. Подростки часто прогуливаются отсюда в сторону заброшенного здания, расположенного мимоходом на одной из дорог, выводящей из искусственно выращенного леса. Многие пути здесь переплетаются. И в каждой тени, в каждом лесочке теперь был кто-то ещё — кто прятался за маской реальности.

— Отошёл от неё! — выкрикнул парнишка в тёмно-синей кофте и светлых джинсах, подбежавший к мужчине в шляпе с широкими полями, одетому в официальный костюм, с высокими ботинками.

Мужчина, не отрываясь от своего дела, повернул голову

в сторону посмеявшего его отвлекать мелкого сосунка: «Брат совсем не следит за своими отроками».

Парнишка увидел на лице оскал с острыми зубами и понял, что тот не собирается останавливаться. Тогда он достал нож и помчал на мужчину, споткнувшись о камень по пути. Мужчина рассмеялся и таки отвлёкся от своего дела, а парня схватил за руку тот, кто ходил в синей маске с чёрными подтёками под глазами.

— К старшим обычно относятся с уважением.

— С уважением к этому? — Парнишка, брызжа слюной, кивнул в сторону мужчины, склонившегося над девушкой.

— Я просил её не трогать!

— Ой, это было твоё? — Мужчина отстранился от еле живой девушки. — Прости. Можешь забрать. Только я немного её помарал.

Парнишка с силой оттолкнул синюю маску и с ножом накинудся на мужчину. Ему удалось его немного ранить. Растерявшаяся синяя маска умчался в сторону заброшенного здания.

— Хочешь поиграть?

Мужчина выпрямился во весь свой рост. За его спиной появились щупальца, и этого было достаточно, чтобы начать бояться. Страх сейчас не постыдная эмоция, а помощник в выживании. Мужчина почувствует его и, конечно, погонится за ним. Тем самым он даст шанс девушке на спасение.

Кадр № 2

— Хэй, Маски... — скучающе произнёс Джефф, проходя мимо затаившейся фигуры, которая вечно ходит то в красной клетчатой рубашке, то в застёгнутой ветровке какого-то бежевого или песочного оттенка.

— Хэй, Маски? — Теперь Джефф остановился и упёр свой заинтересованный взгляд в спину Тима.

Тим Маски достал из штанов пачку сигарет, найденную ещё летом: растягивал как мог. Он стоял в подвальном помещении давно пустой заброшенной больницы, где на самом верху расположилось маленькое окошко, откуда виднелся питомник и ночное небо, усеянное множеством ярких звёзд. Помещение с ржавыми трубами, торчащими из стен; грязью и мусором от разваливающегося здания.

— Хэй, Маски!

Терпение лопнуло. Джефф толкнул стоявшего к нему спиной Тима так, что у того сигарета выпала из рук и покатилась по пыльному полу. Тим поправил белую маску с чёрной обводкой на месте глаз, чёрным ртом и чёрными тонкими бровями, повернувшись к самой истеричной и вечно всех презирающей личности среди его окружения.

— Ты мне ещё пальчиком погрозил, — показательно скучающим тоном, сложив руки на груди, сказал Джефф.

— Какого чёрта тебе надо?

— Я говорю: «Хэй, Маски!» — Убийца снова вырвался в крик.

— И?

— Где твой ушлёпок безмордый?!

— Джефф? — В подвальное помещение зашёл синяя маска.

Он удивлённо смотрел на парочку перед собой, пока его плеча не коснулся парень в очках с жёлтыми стёклами, вечно растрёпанными волосами и маской с белыми вертикальными толстыми полосами, прикрывающей нижнюю половину его лица.

— Дж-ж-жефф, ты ч-ч-чего кричишь?

Джефф не обратил внимания на стоящих позади Джека и Тоби. Его упрямый взгляд был обращён на Тима, от которого он ждал ответа.

— Этот гондон лезет куда не просят.

— Кто? Маски? — удивлённо спросил Джек, покосившись на Тима.

— У нас только один гондон есть! И мне хотелось бы знать, какого хрена он творит и куда пропадает, когда нужен.

— Отвали от меня, Джефф. Я тебе не оператор сотовой связи, — устало произнёс Тим.

— Потому что ты — бесполезный кусок подчиняющегося говна.

Джефф достал из рукава толстовки нож, набросившись на Тима. Джек и Тоби побежали к разъярённому Убийце, когда

по ушам четверых ударил белый шум.

— Спасибо, Джефф! — вскрикнул Тим, постоянно страдавший головной болью от воздействия Оператора, даже если тот просто находился рядом.

Джефф меньше некоторых остальных был подвержен такому шуму, потому сразу смог сфокусировать свой взгляд на высокой фигуре в углу комнаты: вечно в своём строгом костюме, красном или чёрном галстуке, всегда чистые, блестящие чёрные туфли; единственный, кому не нужна была маска, — его лицо белое, с очертаниями, словно череп плотно обтянут чем-то. Говорить ему что-либо порой не требовалось — Оператор очень хорошо улавливал настроения окружающих. Его речь, больше похожая на бульканье среди помех, ужасно бесила Джеффа. Она громким эхом разносилась в голове, и разобрать её лично ему было тяжело.

В комнату, почти сбивая с ног Джека и Тоби, вбежал парнишка в тёмно-синей кофте с девушкой на руках.

— Это он! — поспешно обратился к Оператору Джек, показывая на парня пальцем.

Один короткий щелчок — ударивший и ослепивший, и парня в комнате больше не было. Даже Джефф инстинктивно вжал ладони в уши, прекрасно зная, что это бесполезно. Девушка лежала на полу и просила о помощи из последних сил. На неё мало кто обращал внимания.

Тим, в голове которого прозвучал приказ от Оператора, выбежал из комнаты.

— Типа можно было обойтись и без фокусов, выпендрёжник. — Джефф скучающе фыркнул.

— Этот идиот напал на Оффа.

— Наконец-то! — восторженно и даже как-то пискляво воскликнул Убийца. — Хотя один из Безликих получил по роже. А ещё получишь ты, — сказал он Слендеру, меняя свой тон на показной. — Если не объяснишь, какого чёрта ты лезешь в мои дела?!

— Вам нужно уйти.

— А с ней что делать? — Джек слегка пнул в бок лежащую на полу девушку.

— Забери себе.

На синей маске отразился оскал. Он очень точно и аккуратно сделал всё, как и всегда, практически победно приподнимая свой трофей в руках. Джефф с отвращением смотрел на работу Джека, а Тоби улыбался.

— Джеффри, — Слендер обратился к Убийце, зная, что тому не нравится, когда его так называют, — здесь рядом «твое дело».

Ещё щелчок, и в комнате никого не осталось.

— Был рад с вами повидаться! — выкрикнул Джефф в пустоту, ударив кулаком по воздуху.

Запись № 1. Знакомство

16.10.2022

Краткая справка:

Для более глубокого погружения в историю и проведения собственного расследования, предлагаем вооружиться ручкой и блокнотом. Рекомендуем вести записи и обращать внимание на детали о главных героях, на главы и диалоги касающиеся следственного процесса. По ходу текста вы будете находить необходимые подсказки, в том числе и в виде документов и протоколов (составленные в художественных целях и не имеющие юридической или какой-либо другой силы и оснований!). Для доступа к некоторым из них понадобится пароль. Ваша основная задача — понять, кто какое убийство совершил. Отыщи свой сюжет и свои мотивы. Удачи!

Полное имя главной героини — Кейлин. В тексте используется сокращение имени, употребляемое её окружением.

Кадр № 3. Окружение

Я всегда спокойно относилась к прогулкам по таким местам. Но стоило издали завидеть большое серое здание заброшенной больницы, как на глаза опустилась тяжёлая пелена, не пропускающая какую-то жуткую реальность этого места.

Несмотря на всегда тёплую осень в наших краях, холод просачивался под серый вязанный топ с чёрной кожаной курткой. Сейчас меня согревала рука Виктора и нежный взгляд его серых глаз. Внешне он строгий и жестокий. И только я знаю его иным.

Две недели до этого момента я провела на больничной

койке, где апатия накрыла словно тёплый, уютный кокон. Теперь же я иду по давно зарастающей дороге между заброшкой и проезжей городской частью в окружении своих друзей.

«Батарейка Энерджайзер», «Всё и везде надо», «Я у мамы программист» — или просто Нэйтан. Обучение на журналиста я проходила в соседнем от своего родного городе, где можно было получить такую специальность. Там я подружилась с одной одноклассницей, находившейся в отношениях с парнем по интернету. Я решила написать ему ради шутки, узнав, что он проживает в моём родном городе, где мы и организовали встречу на выходных. Это стало первым днём нашей крепкой дружбы, когда я осталась без подруги, а Нэйтан — без девушки. Крайне неловкую ситуацию мы до сих пор вспоминаем между собой.

С Олив я познакомилась на работе. Она фотограф, и каждый её снимок сделан с душой. На её дне рождения со скромной организацией присутствовали: Елена — мать Олив, с которой она живёт; кто-то ещё из близкого круга семьи; и, как мне представили его в первый раз: «А это наш мальчик Владик». Тем было удивительнее узнать, что этот «мальчик» работает в области судебно-медицинской экспертизы.

Нашу безумную компанию дополнил Виктор, чей отец работал в полиции. Так был сформирован мой почётный отряд для создания эксклюзивных статей в газету, на которую я и работаю в настоящее время.

То, что было раньше, — понятный только между нами

юмор, эмоции и моменты от каждой встречи: душевные, так и рвущиеся наружу вновь, — сейчас всё это казалось для меня чужим и далёким.

Кадр № 4. Взаимосвязь

Я совсем не заметила, как наша компания уже оказалась в одной из комнат заброшенного здания. Сквозь плотный туман в голове проникал постепенно становившийся громким и чётким голос.

— Господа, с таким выбором мест, где можно культурно посидеть, у вас скоро будет место, где можно так же культурно и даже с почестями полежать... — Влад сел на корточки, что-то пристально рассматривая у себя под ногами, и провёл пальцем по пыльному полу.

— А ты чё выпендриваешься? — спросил Виктор серьёзным тоном. И закончил с лёгкой, непринуждённой усмешкой на губах: — Лежать-то тебе придётся рядом с нами.

— Да чё вообще это было решение собраться именно здесь? — не всерьёз возмутился Нэйтан.

Некоторые из нас уже разбрелись по довольно просторному помещению, в которое мы вошли с улицы через большую округлую дыру в стене, рассматривая голые стены и вглядываясь в пустоту других комнат. Нэйтан держал под руку Влада, периодически обмениваясь с ним шутками, отчего тот, улыбаясь, закатывал глаза.

Я и Олив всё ещё стояли на входе, а за нашими спинами виднелись жилые дома, забегаловка, автозаправка и автобусная остановка, пока мальчишки потихоньку усаживались

плотным полукругом в центре помещения.

— Леди нужно особое приглашение? — не поворачивая головы в нашу сторону, спросил Виктор.

— Неужели и о нас решили вспомнить? — ответ вышел саркастическим и с искривлённой гримасой.

Я зашагала в сторону Виктора, попутно снимая куртку.

— Не надо. Сядешь на мою.

— И всё равно получишь цистит, — еле слышно прошептал Влад. — Олив, иди ко мне на колени, если не против.

Та немного помялась, смутившись предложению, но спорить не стала. Её всегда волновали мысли о своём здоровье и внешнем виде. Олив везде таскала за собой свою любимую замшевую сумку шоколадного цвета, где в обязательном порядке должны лежать влажные и матирующие салфетки, зеркала, парфюмированная освежающая вода и какая-нибудь мазюкалка для губ.

Расслышав Виктор такую колкость от Влада, он точно так же, не задумываясь, усадил бы меня на колени. Виктор всегда покровительствовал Владу. Оба на стороне закона и конституции. В некоторой степени он считал друга «выше» и лучше из-за более реальной связи с профессией. Ведь сам был лишь тенью своего отца. Хотя для этого человека вряд ли кто-то мог стать авторитетом — он сам себе авторитет.

С Нэйтаном Виктор долго искал общий язык. Для него Нэйтан представлялся несносным выскочкой, оставшимся в подростковом возрасте, без каких-либо границ. Совершенно

не признающим мнимую власть и важность в лице Виктора.

Итак, мы сидели в тишине затхлого помещения и свете одного фонаря, который притащил с собой Влад, слушали свистящие порывы ветра и шум редко проезжающих машин вдали. Неловкие переглядывания заставляли ещё глубже закопаться в себе, чувствовать несуразность и театральность происходящего. Каждый словно нацепил на себя маску неприступности.

— Ну что, Линка, как ты? Мы ж толком так и не вникли, что с тобой произошло. — Нэйтан сложил свои ладони и спрятал их между коленками, слегка поддаваясь вперёд.

Я не успела и рта открыть, как вмешался Виктор, вперив в Нэйтана предупреждающий взгляд.

— Лина пока не очень хочет вспоминать об этом. Давайте не будем создавать лишних неудобств и поможем друг другу вернуться в строй. — Виктор коротко приобнял меня и поцеловал в висок. — Так ведь, солнце? — Он улыбнулся, заглядывая мне в глаза.

— Всё хорошо, не беспокойтесь, — пришлось выдавить из себя банальную фразу, молча соглашаясь с Виктором только потому, что мне и ответить-то было нечего.

— Мы и в самом деле как-то выбиты из колеи, наверное. — Олив пожала плечами, неловко озираясь на каждого по очереди, ища в друзьях поддержку и одобрение. Она смягчала не только шипящие, но и вся её речь была сплошным смягчением. Особенно когда подруга волновалась или стес-

нялась, тогда и окончания некоторых слов вовсе пропадали. — Без тебя толком не собирались. Всё были заняты своими делами.

Н.: Угу. Я вот в последнюю неделю заказ на создание сайта для нового ресторана выполнял. У них скоро открытие, и они мне обещали скидку на меню в баре, если быстро всё выполню. Думаю: «офигенно ваще», вас всех позову, каждому бесплатно по коктейлю... Ага... Чё вы думаете? Вчера нечаянно сел на ноутбук и... Все сроки упустил, пока извлекал, да восстанавливал данные. Чтоб я ещё хоть раз на ноуте работал...

— Опять, что ли, без очков решил походить? — Влад хитро покосился на друга.

Н.: Ой... Не начинай давай.

— А чё ты? — Влад по-дурацки заулыбался и явно желал как можно скорее поделиться своей историей.

Нэйтан сложил руки на груди, надул губы и соорудил грозный вид — выглядело весьма напыщенно и комично.

— Прикиньте, чего учудил? Мы с ним на днях в бар ходили, и он там спьяну решил, что и без очков может неплохо видеть. Я его на улицу захотел погнать, чтоб свежим воздухом немного подышал, а там на выходе дверь стеклянная... Ну, он в неё и впечатался.

— Да не пьяный я был! — слишком усердно возразил Нэйтан.

— Ну, друг... Тогда тем более... — Влад развёл руками,

и его смех эхом разнёсся по помещению. — Это просто надо было видеть: «А чё я пройти не могу» — говорит... Там рядом мадам какая-то стояла курила, так она со смеху над-рывалась.

Н.: Зато не я рожей на клаксоне храпуна давил.

— Чего? — со всей возможной серьёзностью протянул Влад, всё ещё борясь с улыбкой на своем лице.

— Того! Мы когда на рыбалку ездили, ты पहले нас с Витькой наклюкался и уснул в машине на переднем сиденье — хрен тебя туда понёс. У Витьки только клёв пошёл, и тут на тебе — загудел на всю Ивановскую. Я к машине подбегаю, а он там лежит мордой в руль. Ничего его не смущает. Чисто младенческий сон у человека. Всю рыбу нам разогнал. — Нэйтан рассказывал историю, активно кивая и периодически поглядывая на Влада поверх своих очков.

— А, да, точно. Это не у вас руки не из того места, а я зараза такая. — Влад демонстративно закатил глаза, цокнув языком.

И это заставило каждого улыбнуться. Дальше диалоги завязывались сами собой, медленно вытесняя возникшие вначале напряжение и неловкость. Только теперь мы не слышали и не хотели слышать друг друга, стремясь скорее оборвать одну речь и завести свою. Приемлемая ситуация для нашей компании. У меня была возможность просто молчать. Рассказывать о своей жизни мне нечего, и пустая болтовня меня не прельщала — я удовлетворялась монологом, выстро-

енным у себя в голове.

Обыденные темы перетекали в обсуждение рабочих случаев. Олив первая поведала о последних событиях из мира журналистики, блеснув за нас двоих из-за моего двухнедельного пребывания в стационаре. Рассказ вышел коротким и скомканным. Наверняка она просто подслушала диалоги между работниками офиса. Милая, довольно симпатичная за счёт только одних своих зелёных глаз и очень застенчивая, нерешительная.

Однако Влад тоже не отличился многословностью. И пока Нэйтан пытался что-то мямлить себе под нос — остальные успели заскучать.

Когда он окончательно умолк, мы все дружно перевели свой взгляд на резко поднявшегося со своего места Виктора. Он достал из кармана чёрных джинсов пачку сигарет, сделал пару затяжек и остановился у большой округлой дыры, прижавшись спиной к проёму.

— Анжела Вотерн, девятнадцать лет. Неофициально считается пропавшей. Мать Анжелы, Стефания Вотерн, зашла к ней утром после ночной рабочей смены — занести дочери продукты. Той дома не оказалось. В квартире стойкий запах табака. Мать утверждает, что дочь не курила, домой никого, кроме своих подружек, не водила. Подружки тоже не курящие. Характерный въевшийся запах присутствовал и в одежде из шкафа.

Мать пыталась дозвониться до дочери ещё с вечера, но та

не брала трубку. Волнений это не вызвало, потому как у Анжелы телефон всегда стоял на беззвучном и она часто пропускала звонки.

На кровати обнаружили кровь. От девушки никаких известий уже третий день...

— Погоди, почему тогда она не считается официально пропавшей? — Влад внимательно слушал друга и быстро перебил его, сдвинув брови в непонимании. — Поиски уже должны были начаться.

Вик.: Поиски ведутся, но неофициально. Я потому и хотел промолчать, что пока сам ничего толком не понимаю. К тому же отец напрочь запретил лезть в это дело.

Вл.: Но ты напрочь отказался его слушать. Да?

Вик.: Ты прекрасно знаешь, что в наших кругах означает серия?

Вл.: Ну, были трупы, и мы обсуждали это неоднократно...

Н.: Да, что-то такое мы обсуждали, но я пока не вижу во всём этом серию. С какого потолка на тебя озарение свалилось?

Вик.: Ты без очков вообще мало чё видишь. Я ещё рассказать ничего не успел, а ты уже со своими сомнениями всовываешься.

Н.: Лучше бы ты в рот себе кое-что перестал всовывать и побыстрее языком своим шевелил.

— Ты куда-то спешишь? Посрать, что ли, приспичило? Так встань и молча выйди. — Гримаса Виктора перекосилась

от злости, он выгнул шею, и даже волосы на его голове, казалось, встали дыбом, когда он перевёл свой взгляд на Нэйтана.

— Иди в баню, ей-богу. — Нэйтан махнул на Виктора рукой и отвернул от него сморщенное лицо.

— Вот и поговорили, — спокойно произнёс Виктор и вернул свой взгляд вдаль, снова закулив сигарету.

— Так что насчёт дела-то? — аккуратно спросил Влад.

Вик.: Я ясно изъясил свою позицию отцу, и он вроде как пообещал вести расследование в этом ключе.

— Давай мы опубликуем какую-нибудь мотивирующую статью, чтобы заставить полицию шевелиться?

Вик.: Зайка, в каких облаках ты витала, когда я говорил, что дело не официальное?

— И что?

Н.: Да что тут непонятного? Никто не хочет шумихи, потому что даже между собой признавать фактов не хотят. Лишний гемор, за который их по головке не погладят.

Вик.: Спасибо за пояснения.

Н.: Будь здоров.

Вик.: Если верить слухам от наших областных коллег, у них тоже имеется парочка подобных случаев с запахом табака. Почти все пропавшие — девушки, не считая пацана девятнадцати лет.

Вл.: Это, получается, не только у нас такая дриstopляска происходит?

О.: Может, это какой-то культ? Не обязательно ведь это должен быть один человек? Если учитывать такой масштаб...

— Тогда надо учитывать и сверять пропажи в других областях тоже. Если это, конечно, не какой-нибудь местный культ.

Вик.: Такой охват нас не интересует. Но есть ещё одна деталь. Даже две. За пару дней до пропажи у некоторых жертв близкие подмечали странности в поведении. И пропажи происходили почти в одно и то же время в разных местах.

О.: Это ещё раз подтверждает, что действовал не один человек. Говорю же, похоже на культ.

Н.: Не знаю. Всё равно выглядит как нечто притянутое за уши. Судя по тому, о чём сейчас пишут в сети, — проблемы и странности происходят у многих людей.

О.: Согласна. Мама рассказывала, что в последнее время у неё прибавилось работы.

Н.: В целом, если известны имена пропавших девушек, я мог бы просмотреть их странички в социальных сетях.

— С целью? — Виктор нахмурился и уставился на Нэйтана со всей серьёзностью, боясь чего-то недопонять, а Влад начал тихонько посмеиваться, прикрыв рот ладонью.

— В сугубо профессиональных целях, чёртов извращенец, — ответил Нэйтан, смотря на Влада исподлобья.

Тут уже Влад перестал сдерживаться. Немного поразмыслив над сказанным, громко смеяться стали все.

Кадр № 5. Последствия

Этот смех заложил мои уши, стал восприниматься так, будто исходил из-под толщи воды, из другой реальности. Меня охватила такая сильная головная боль, что в глазах потемнело. Где-то на заднем экране промелькнули вспышки, превращаясь во всё более слаженную картину. Один из кадров задержался на секунду, но я успела разглядеть человека с белым лицом, чёрными волосами и жуткой улыбкой.

Скорее всего, своеобразное видение прервал Виктор — он сел рядом и прижал меня к себе, поглядывая на друзей и заканчивая смеяться вместе с ними. Впервые за время наших отношений эти объятия показались неприятными и холодными. Всё увиденное засело в голове густым туманом, сопровождающимся звоном в ушах.

— Ребята... — Мой громкий голос окончательно заставил всех умолкнуть. — Мне... В общем... Я хочу...

Н.: Отлить надо?

Вик.: Ты совсем охренел?

— Эм... Да... Да, я быстро.

Я вылетела из комнаты в тишину и темноту прежде, чем Виктор успел бы опомниться и пойти следом. Мне захотелось немного побыть одной, размяться, чтобы справиться с медленно подступающей сонливостью. Пока мысли блуждали в догадках о том, что я сейчас увидела, ноги сами завели

меня куда-то глубже в здание.

Мне не следовало пытаться поскорее выписаться из больницы, прекращать лечение. В первую очередь такие вспышки можно списать на моё положение, в которое я толком не хотела вникать. Мозг категорически не желал воспринимать реальность, осознавать степень серьёзности и ответственности. Ведь это же я. Что со мной может случиться? Что со мной может быть не так?

Взгляд в пол. Шаг за шагом. В попытках рассеять туман в голове. Ещё шаг. Труп. Вдалеке кто-то закричал. Со всех сторон раздавался быстрый топот. Затем глухой удар этажом выше. В ужасе отхожу назад, не отрывая глаз от того, что лежало передо мной.

— Лина!

Чей-то голос, похожий на голос Виктора, раздался слишком громко, раскатился эхом в голове. Осознание пришло в ту же секунду, и, вырвавшись от оцепенения, я что есть сил побежала. Не знаю куда, лишь бы не оставаться здесь, лишь бы не стоять на месте. Глаза уже привыкли к темноте, но что толку, если ты абсолютно не способен в такой ситуации быстро сориентироваться в пространстве.

Единственное, что я могла, — слышать, идти на звуки. Забегаю в комнату, из которой смогла уловить последний шорох, и натыкаюсь на что-то мягкое, большое: «Ещё один труп» — промелькнула мысль в голове. Он начал двигаться, и я вскрикнула от неожиданности.

— Лина! Господи! Тссс...

— Влад? Это ты?

— Нет! Твой сосед из квартиры напротив... У тебя телефон есть? — Влад говорил шёпотом, почти шикал на меня.

— Ох, точно... — Я поспешно достала телефон из куртки и включила фонарик. — А твой где?

— Лина, блин! Вызови полицию... И прекрати светить прямо в глаза! — слишком резко и строго выкрикнул Влад. Он сильно зажмурился, слегка отклоняя голову назад.

— Ой, да, прости.

Перед тем как выключить фонарик, я заметила окровавленные руки Влада, прижатые к животу.

— Ты ранен?

— Линочка, я тебя очень прошу... Вызови полицию, чёрт тебя дери! — жалобно и, печально посмеиваясь, взмолился Влад.

Рядом гроыхнуло. В нашу сторону неспешно зашагали.

— Лина... Беги к дороге и вызови полицию. Поняла? Просто беги! — теперь он выглядел настороженным, читая мне инструкцию, и медленно кивал, выставив перед собой окровавленную большую ладонь в попытках сконцентрировать моё внимание.

И я побежала. Пока не оказалась в просторном помещении с большой округлой дырой, где мы и сидели все вместе, в самом центре. Фонарь валялся в углу, ещё включенный. В его свете виднелась порванная сумка Олив, капли крови,

поломанный электрошокер.

Может, это просто глупый розыгрыш? Совершенно не смешное, несуразное представление? Нет. Виктор не мог такое допустить и тем более не стал бы участвовать в этой глупой игре. Так что я должна бежать, как и сказал Влад. Надо помочь, если ещё не поздно.

Но я опоздала. Чья-то рука коснулась моего плеча. Ледяные пальцы медленно и аккуратно прошли по шее и крепко сжали горло. Вторая рука провела по щеке чем-то мокрым и шершавым. Я почувствовала тёплое, смрадное дыхание над ухом, застывшее на затылке в волосах. Было страшно открыть глаза, случайно пошевелиться, вздохнуть лишний раз.

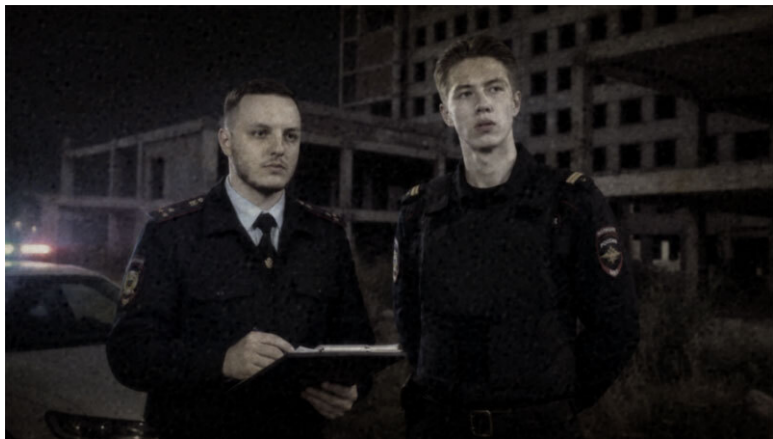
Сколько прошло времени, прежде чем издалека послышались звуки сирены? Тот, кто стоял сзади меня практически вплотную, ослабил хватку. Это был шанс воспользоваться моментом — дёрнуться в сторону и бежать. Шанс оказался призрачной надеждой. Я ощутила острую боль в правом плече.

Перед тем, как сознание полностью ускользнуло от меня, я увидела быстро приближающийся яркий свет и слышала незнакомый мужской голос.

— Фельдшеров зови. У нас тут пострадавшие.

Запись № 2. Экстренная сумятица

Кадр № 6. 102

В себя я пришла не сразу, так же как и осознание случившегося пришло не сразу. Насколько вообще возможно осознать непонятные отрывки, проносившиеся в голове словно вихрь.

Раненых оказалось двое; остальные отделались синяками, стёртыми в кровь ладонями и коленями; мелкими, но обильно кровоточащими царапинами.

Мы сидели — кто на каталках, кто в машине скорой помощи, а кто-то и вовсе на земле в позе лотоса — прямо на дороге, ведущей от городской части к питомнику, а сбоку высилось заброшенное здание. Прохладный ветер гулял в наступившей ночи между высокой травой с двух сторон, пахло листвой и чернозёмом. Каждый находился в своей абстракции, опустив голову и уставившись себе под ноги.

Пока фельдшеры оказывали первую помощь, полицейские пытались нас допросить: один задавал вопросы, второй заполнял какие-то бумаги. Ещё двое вышли из здания.

— Ну что там? — крикнул им тот, кто заполнял бумаги.

— Труп.

Нашли. Значит, я действительно видела его. Потому такое заявление вовсе не стало для меня новостью, в отличие от ребят, на лица которых легла тень ужаса и удивления. Мы переглянулись друг с другом. И только на мне остановился задумчивый взгляд Виктора.

Гляделки прервал удивлённый голос одного из полицейских, вышедшего из здания. Он подошёл к нам вместе со своим напарником, пристально всматриваясь в каждого из нас.

— Не понял? А чё здесь происходит? — Недоумение застыло на лице подошедших мужчин. Даже с какой-то лёгкой ноткой страха во взглядах.

Вик.: Это ваша работа — узнавать, что происходит.

— Витька Шнайдер... Влад Холмаков... — Полицейские взглянули на обоих по очереди. — Вы как здесь оказались?

Вик.: Мы только что отвечали на вопросы.

— Я так, не для протокола. — Мужчина сконфуженно пожал плечами и шмыгнул носом. — Это от вас поступил звонок? — вопрос прозвучал неуверенно.

Влад посмотрел на меня, ожидая именно моего ответа, но я в растерянности лишь отрицательно помотала головой вместе со всеми.

— Понятно... — Полицейский полез в карман, доставая оттуда телефон.

Вик.: Слушай, Костя, давай сразу к делу. Что за звонок?

Озвученное имя заставило меня узнать в двух стоящих перед нами мужчинах Ланского и Райна — двух подручных солдатиков подле отца Виктора. Райн был выше и стройнее Константина Ланского; с пшеничными волосами; пухлые и влажные губы; большие карие глаза, вечно какой-то детский взгляд. Сам Костя по росту — до плеч Райна; коротко стриженный брюнет; большой, но не с лишним весом; слегка выпирающая нижняя челюсть; лёгкая щетина на щеках.

— Мне, в отличие от некоторых, положение не позволяет обсуждать следствие с подозреваемыми, — с какой-то обидой произнёс Ланский. — Труп в здании — ваша подруга?

Вик.: Никак нет!

— Что за труп? — вклинился в разговор Влад, враз заинтересовавшийся поднятой темой.

Р.: Недавно пропавшая девушка, с признаками насильственной смерти.

Вл.: И всё?

Р.: Первичный протокол будет готов к утру, после полного осмотра места происшествия и работы судмедэксперта с телом. — Райн со своим вечным напряжением на лице словно боялся чего-то недопонять, но его речь была лёгкой и плавной. В отличие от наигранности в тоне Константина, будто ему совсем не свойственна его профессиональная речь.

Ланский пихнул в бок разговарившегося Райна, и тот резко выпрямился смирно, как по струнке.

Вик.: Телефон рядом с трупом не находили?

Для следующего ответа Райн сначала посмотрел на Ланского, как бы спрашивая разрешения. Взгляд вышел несуразным и комичным, как у горного козла, завидевшего опасность.

— Ну вы чё? Связь с космосом потеряли? Телефон рядом с трупом находили?! — Виктор с первых минут общения с полицейскими был единственным, кто сохранял своё лицо, кто продолжал говорить на языке своего отца, будто это он тут старший.

Р.: Не находили.

— И номер, с которого звонили, так и не определён, — проговорил Ланский, слегка сощурившись и уставившись задумчиво вдаль.

Н.: Это с каких пор у наших служб не определяются номера?

— Без понятия. Не первый случай, — на отвали ответил

Костя и пожал плечами.

Вик.: Так что это был за звонок?

Ланский медлил с ответом, явно над чем-то раздумывая, проводя пальцем по нижней губе. Затем достал телефон и включил какую-то запись.

На ней оператор разговаривал с девушкой. Точнее, пытался это сделать. Девушка что-то тихо шептала прямо в динамик о том, что её преследуют и хотят убить. Говорила она несвязно, часто её слова практически невозможно было понять, хотя громкость вполне позволяла. Последнее, что она успела, — назвать своё примерное местоположение. Глухой удар, и связь с её стороны оборвалась.

Вл.: Это такое веселье у нас под носом прошло?..

Кадр № 7. 103

Виктор, Влад и Ланский продолжили дискутировать между собой по поводу случившегося. Может, говорили о чём-либо ещё, пока мы с Нэйтаном и Олив выслушивали неуёмные щебетания немолодой худенькой женщины-фельдшера с заплетёнными в пучок волосами цвета борща. Она пыталась выдать из нас ответы, подводя к вопросам с одним и тем же намёком. На каждого дала лист с направлением в поликлинику.

— Это что?

— Завтра утром в обязательном порядке сделать прививки на Терешковой.

— От бешенства? — усмехнулся Нэйтан, но тут же посерьёзnel, не получив ни от кого отклика на свою шутку. Он прокашлялся, поправил очки и остался молча стоять столбом.

— Что за прививка?

— Столбняк. В целях профилактики. По-хорошему необходимо сходить к врачу на осмотр. Особенно с ножевыми ранениями. Говорить с нами о случившемся вы не хотите, от полноценного осмотра и лечения отказываетесь. Осознаёте риски после того, что я вам ранее изложила?

— Да, спасибо, но у нас уже есть своего рода врач под боком. — Я машинально обернулась на стоящего поодаль

Влада.

— А можно поликлинику не на Терешковой? — скромно и тихо выдавила из себя Олив.

— Что вас смущает? Вы все по месту жительства привязаны именно к этой поликлинике, — напыжилась женщина-фельдшер.

— Просто не хочу, чтобы мама узнала. — Подруга смутилась и отвела в сторону виноватый взгляд.

— То, что ты сейчас заявишься домой вся ободранная, конечно же, не вызовет у неё никаких вопросов.

— Блин...

Та, на удивление, только сейчас обратила внимание на свой внешний вид, тщательно осматривая одежду и раны. Вязаный голубой свитер, светлые джинсы, кофейные лоферы с мишками. А представить её без макияжа так и вовсе невозможно.

— У вас мама в поликлинике работает?

— Ну, можно и так сказать. — Подруга закусила нижнюю губу, спрятала одну руку за спину и чуть вытянула шею.

— Так это же здорово. Попросите провести вне очереди. Там что ни день, то не пробиться. Приходится по несколько часов ждать приёма...

Фельдшера окликнули на следующий вызов, и она поспешила распрощаться с нами.

Подошёл Виктор, радостно и деловито заявив о том, что господин Ланский любезно предложил развезти всех по до-

мам на рабочих машинах в целях безопасности. Нэйтана и Влада отправили в машину с Райном; меня посадили с Виктором и Олив к Ланскому. Мы ехали быстро по пустому тёмному городу. Уставшие, сонные, молчаливые.

Кадр № 8. Вне системы

Виктор крепко держал меня за руку, а мне вовсе не было до этого дела. Он гладил мои волосы, а я мыслями была далеко. Казалось странным ощущать сейчас спокойствие и тепло в душе — такие ночные поездки на машине уносили меня далеко в детство, когда я с мамой возвращалась из гостей на такси в позднем часу. По возвращении мы разбредались по комнатам, но смотрели по телевизору один сериал на двоих.

Мне всегда хотелось на него успеть, хотя бы одним взглядом увидеть, что же там происходит с персонажами, какая интрига разворачивается в серии на этот раз. То же самое происходит и сейчас, только сюжет разворачивается в реальной жизни, а главные герои — это мы. Я снова и снова буду прокручивать сегодняшнюю серию у себя в голове и с нетерпением ждать следующих.

— Лина... — тихонько позвал меня Виктор, выводя из задумчивости. — Переночуем сегодня у меня? Мне бы так было спокойнее.

— Вообще-то, я хотела побыть одна.

Виктор сильно сжал мою руку, а его хмурый взгляд явно не предполагал какого-либо ответа от меня.

Квартира Виктора была небольших размеров, с маленькими комнатками, почти ничем не обставленная, со старыми, кое-где потёртыми обоями. Тёмного цвета пол, зато всегда

чистый, не то что у меня. Самая лучшая мебель здесь — кровать бордового цвета в спальне, с дорогим ортопедическим матрасом и непременно застеленная свежим шёлковым белым бельём. Массивные шторы и жалюзи всегда закрывали окно с облупленными деревянными рамами. Свет от плоских лампочек был жёлтым и тусклым.

Как только Виктор открыл дверь в свою квартиру, я умчалась в сторону ванной мыть руки. Виктор лишь задорно ухмыльнулся, смотря мне вслед, пока разувался, и чуть не положил ключи мимо полочки у зеркала. Затем я направилась на кухню за чаем и перекусом — маленькая пачка сухариков, что первая попалась на глаза, валяясь на столе. А когда я зашла в спальню к Виктору, то меня ожидало множество зажжённых чайных свечей по всей комнате. На тумбочке во круг переполненной пепельницы расставлено неоправданно большое количество массажных масел и лубрикантов на любой вкус и день недели. И несуразно выставленные упаковки презервативов.

Ничего из этого обычно не пригождалось. Создавать романтику Виктор не умел — это не его стиль. Всё, что он делал ради секса, выглядело как декорации. Его грубый тон, подверженность желанию и моменту портили весь антураж.

Меня будоражило такое переключение по щелчку пальцев, когда в одну секунду перед тобой оказывается жестокий, не контролирующийся себя человек, полностью поглощённый только одной тобой. Иногда эта жестокость доходила до аб-

сурда, на который он меня подсадил. Поэтому Виктор всегда носил свой любимый зелёный свитер с высоким горлом, чтобы прятать последствия нашей игры.

На фоне пережитого события намёки Виктора, или, скорее, прямое выражение желания, никак не сопоставлялись с моими планами на оставшуюся ночь. Я не могла отказать любимому человеку, который также нуждался сейчас в поддержке: забыть, скрасить оставшееся приятным, почувствовать любовь и заботу. Пусть даже таким способом, по-своему, как всегда умел прятать и направлять эмоции в другое русло.

В первые минуты мне самой было приятно раствориться в нём — в его ненасытных поцелуях, в его руках, что крепко сжимали мою талию. Он медленно вёл меня к кровати, не отрываясь от моего тела. Виктор попытался аккуратно опустить нас, но зацепился ногой за мою и повалился прямо на меня, а затем ещё плотнее вжал в кровать под своим весом, чтобы я могла почувствовать, как в его штанах дёргается член. Я быстро погрузилась в омут блаженства, пока верх не взяли абсолютно противоречивые чувства: где-то внутри разлилась жгучая неприязнь и отчуждение вместо возбуждения и желания. Настолько стало некомфортно, что такая резкая перемена настроения меня напугала.

— Виктор, стой... Не надо, — тихонько простонала я.

Но он даже не посмотрел на меня, будто ничего не слышал. Скорее, он воспринял мои слова как позыв к более ак-

тивными действиям и желание начать нашу игру. Он опускал свои мокрые поцелуи всё ниже и ниже. Я приложила много усилий, прежде чем сделать последний, достаточно сильный толчок, который напрочь отбил у Виктора всякое желание на продолжение. Он немного отдалился от меня, с полным недоумением, застывшим на его лице.

В этот момент из кухни донёсся шорох, изрядно меня озадачивший, и заставил замереть.

— Ты чего?

— Ты не слышал?

— Слышал. Это, наверное, Чапа балует.

Следом раздался более массивный звук. Что-то разбилось.

— Чапа!

Виктор подскочил с кровати и побрёл на кухню. Оставаться одной не хотелось, и я не спеша направилась вслед за Виктором. Из комнаты вышла в длинный коридор, где, напротив входной двери, справа, располагался зал. Проходя мимо него, я смогла заметить мирно спящую на подранном диване кошку Чапу. И рванула на кухню прежде, чем успела осознать увиденное.

Виктор собирал осколки своей разбитой кружки с пролитым недопитым чаем.

— Посмотри только, что наделала. Тащи эту моську сюда, носом тыкать буду. Что ж такое, сколько раз говорил ей не лазить по столу...

— Знаешь, я лучше пойду домой.

Резко оборвав причитания Виктора, я поспешила на выход. Он нагнал меня посреди коридора, перегородил собой проход, где и без того было узко. Виктор крепко схватил моё раненое плечо.

— Мне больно. Пусти. — Я шикнула и машинально кинула взгляд на своё плечо.

— Прости. — Кратковременное сочувствие не смогло сдержать его последующий фонтан эмоций.

Множество вопросов, множество раскатов грома, между штормом и безветренной погодой. Мне нужно было успокоиться, сказать себе: «Я веду себя глупо. Это всего лишь разбитая кружка. Опасность позади. Сейчас рядом Виктор. Я жива, живы друзья...»

— В чём подвох-то, ты мне можешь сказать? Или просто пособачиться захотелось? — выдыхая и почти успокоившись, спросил Виктор.

— Я просто хочу домой.

— Здесь тоже твой дом.

— Я хочу к себе домой! Я хотела побыть одна и я сразу тебе об этом сказала. А ты просто в очередной раз заткнул мне рот.

— Хотел как лучше. Но с тобой получается как всегда. — Его тон и взгляд выражали разочарование.

— Секс, по-твоему, тоже «как лучше»? «Лучше» ты хочешь только для себя. Я не кукла, которую можно взять в

любое время, когда захочется. Если уж так надо, пользуйся проститутками. Тех денег, которые отец переводит тебе каждый месяц, хватит с лихвой. Не обеднеешь. — От собственного же предложения с проститутками меня захлестнула жгучая ревность, заставившая щёки полыхать, а последние слова прозвучали скромно и неуверенно.

Виктор неожиданно громко рассмеялся, чем застал меня врасплох. Смех вышел довольно жутким. Такой неуместный в сложившейся ситуации.

— Ты сама-то хоть поняла, что сказала?

Отвечать не хотелось — не было смысла. Я действительно не понимала причины своего поведения. Стало неловко, и теперь оставаться здесь точно нельзя. Напоследок я со всей силы хлопнула дверью.

Прохладный, свежий по ночам воздух заполнил лёгкие. Путь лежал через всегда малоосвещаемые, зато утопающие в зелени дворы: перейти дорогу, обойти дом, пройти через детскую площадку, откуда уже виднелся мой подъезд и моё тёмное окно на третьем этаже.

Неожиданно для себя я слишком сильно распахнула подъездную дверь. Та разве что из петель не вылетела. На первом этаже всегда было прохладно, из освещения — одна тусклая лампочка над синими почтовыми ящиками; в тот же цвет была окрашена нижняя часть белых стен.

Я всегда хожу по лестнице. Она располагалась левее от лифта. Иногда мне нравилось долететь до своего этажа

прежде, чем услышу хлопок закрывшейся за мной подъездной двери. Так что у меня выработалась своеобразная привычка обращать внимание на этот звук.

Я не спеша добрела до лестничного пролёта, ведущего на мой этаж, но привычного характерного щелчка не последовало: «Неужели сломала?»

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем раздался хлопок на весь подъезд вместо скрипа и попискивания, присущего медленному автоматическому закрытию.

На этаже мигнула лампочка. Никчёмные, дурацкие лампочки, которые постоянно кто-то выкручивает, и на их месте оказываются всё более дешёвые варианты. Она моргнула ещё один раз и просто... Взорвалась.

Следом послышались неспешные шаги с первого этажа. Когда шаги стали быстрее, я уже рванула с места, попутно ища ключи в куртке. Чудом вставляю ключи в замочную скважину трясущимися руками и за последнюю секунду успеваю закрыть дверь прямо перед НИМ. Чёрные волосы, белое лицо, жуткая улыбка.

Запись № 3. Остатки несуразного вечера

Кадр № 9. Благородная девочка

Олив ехала домой с чувством вины перед матерью. Действительно, чья это была идея потащиться в заброшенную больницу? Здание, имевшее шанс стать гордостью маленького города. В нём планировали вместить все возможные отделения и кабинеты. А с медицинским колледжем, расположенным через две остановки отсюда, уже был заключён контракт на рабочие места для студентов.

Больница так и не была достроена. Один совестный строитель, из чувства мести за недоплату, выставил журналистам необходимые бумаги. Они указывали на то, что уже во время проведения работ были допущены ошибки, при которых здание не могло вводиться в эксплуатацию из соображений безопасности: закладка фундамента и несущий каркас здания.

Олив разместили в одной машине с сумасшедшей парочкой, стоящей друг друга, как считала она. Её взор всё чаще смещался в их сторону. В голове таилось множество вопросов, на которые девушка отвечала сама, чтобы продол-

жать дальше жить в мире грёз, без жестокой реальности. Пока Ланский не затормозил рядом с её домом.

Все пятеро друзей жили рядом — они были из одного квартала. В той части, которую местные жители называли «Старым городом», где девяти- и пятиэтажки располагались вперемешку с участками из частных домов и старинными постройками, переделанными под нынешние нужды.

— Спасибо вам большое, что подвезли, — с застенчивой улыбкой произнесла Оливия, когда уже вышла из машины, и теперь заглядывала в открытое окно на заднем сиденье.

— Это моя работа — заботиться о защите граждан, — гордо ответил Ланский, круто повернувшись и слегка наклонив голову, чтобы видеть Оливию.

— А вы, случайно, не знаете, моей маме звонил кто-нибудь насчёт произошедшего? — И вновь её речь казалась зажатой, звуки смягчались и проглатывались.

— Не имею таких сведений.

— Ладно. Ещё раз спасибо. Ребята, спокойной ночи.

Девушка помахала друзьям на прощанье. Кейлин с улыбкой кивнула, смотря на подругу, а нахмуренный Виктор произнёс сухое «Угу» и тоже кивнул, не отрывая взгляда от лобового стекла.

Олив поспешно вбежала в подъезд. Она позабыла подготовить свою речь перед матерью. Всё равно придётся сказать правду, как и всегда. Ей не хотелось огорчать её лишний раз. С каждым годом Олив острее чувствовала и понимала пере-

житое матерью однажды. Она не забудет, как мерзко и паршиво ушёл её отец. С тех пор отца у Олив не было. Она вычеркнула его из своей жизни и ни разу не жалела, никогда не расстраивалась. Мать стала для неё оплотом, её лучшей подругой.

Ради матери, которая взвалила на свои плечи многое, Олив старалась быть прилежной девочкой, хорошо училась в школе. У неё практически не было подруг. Все девчонки вокруг были такие красивые, уверенные в себе. Что она могла сказать? Да и можно ли просто подойти и заговорить? А ещё она боялась боли и привязанности к людям. Ей хотелось иметь только настоящее, чему действительно можно и стоило отдаться.

Также ради матери Олив не должна была идти на заброшку со своими друзьями. После выписки Лины из больницы компания захотела воссоединиться «как в старые добрые» — собраться на прогулку. И решение непонятным образом свелось к одному месту, расположенному неподалёку от их квартала.

Девушка тихонько открыла дверь в квартиру, закрылась на все замки и трепетно несколько раз подёргала ручку, дабы не волноваться потом.

Маленькая, но уютная, обставленная со вкусом двушка. Можно подумать, что в семье всегда водились деньги. Здесь царила стерильная чистота — для матери и дочери уборка была святым делом. Особенно для чересчур опрятной Олив,

у которой для каждой вещи отведено своё место: по строгому назначению из её головы. Поверхности в квартире никогда не были заставлены — всё убиралось внутрь шкафчиков. Обои специально подобраны под каждую комнату, но в стиль к стоящей в ней мебели.

Девушка разделась в полной темноте. Затем полезла за телефоном из порванной сумки и думала о том, как же хорошо, что сейчас мама спит и тяжёлый разговор отложится на утро. И как же плохо, когда щёлкнул выключатель, а рядом стояла она. Олив даже не сразу её углядела из-за резанувшего по глазам яркого света.

Мать и дочь были словно зеркало друг для друга. Различие лишь в двух моментах: у Оливии зелёные глаза, у Елены карие; у дочери более светлый рыжий цвет, в который она любила краситься, а волосы Елены — медного оттенка, скорее, переходящий в светлый каштан, из-за того что женщина пользовалась краской не так часто и цвет попросту вымывался.

— Мама? Ты чего не спишь?

— Ждала твоего возвращения или звонка, если бы ты решилась задержаться.

— Ну, я вернулась даже раньше обещанного...

— Это связано с твоими ободранными коленками?

Девушка старалась держаться невозмутимой, а теперь ещё на неё словно навалился груз ответственности.

— Не переживай, мам. Фельдшеры всё замечательно об-

работали. А завтра мы все обязательно идём в поликлинику на прививку от столбняка. Я всё тебе расскажу, только не ругайся, ладно?..

Олив, как сорока, затараторила историю, начиная со времён царя Гороха, активно жестикулируя руками. Наверняка закончила бы свой рассказ к утру, попутно смягчая многие детали, но Елена перебила её:

— Успокойся. Отец Виктора мне звонил и уже всё рассказывал.

Девушка резко умолкла, встала как вкопанная с широко раскрытыми глазами и ртом. Зато теперь ситуация казалась не такой страшной.

— Лучше скажи, чья это была идея — вечером потащиться в такое место?

— Не знаю.

— То есть как? — Елена недоверчиво приподняла бровь и сложила руки на груди, упершись локтем в стену.

В ответ девушка пожала плечами и опустила виноватый взгляд в пол.

— Солнышко, я очень рада, что у тебя есть такие замечательные друзья, но иногда нужно думать своей головой, а не следовать за другими. Настоящая дружба не предполагает зависимости. Настоящие друзья не уйдут, если ты откажешься, — они предложат поискать компромисс. Не стоит подвергаться веяниям со стороны. Ты всегда была у меня раннимой девочкой...

— Мама, пожалуйста... — Лицо Оливии перекосилось в жалостливой мольбе. Девушка закусила нижнюю губу, её плечи подались вперёд, а руки повисли вдоль уставшего тела, которое становилось всё более ватным с каждой минутой.

— Всё, всё. Прости. — Елена вскинула руки: «Сдаюсь» — и отпрянула от стены. — Кушать хочешь?

Такой вопрос быстро приободрил.

— Да. Я очень голодная. Даже и не замечала... Только мне надо в душ.

— Не страшно. Ты иди, а я пока что-нибудь сделаю.

— Бутерброды? — Глаза Оливии словно засверкали надеждой.

— Бутерброды. — Елена ласково улыбнулась своей дочери.

Кадр № 10. Интимный ревнитель

День у Оливии подошёл к концу вполне сносным образом. Чего на этот раз не досталось Виктору. Хотя насчёт «досталось» — вопрос спорный. Кажется, относительно спокойные дни в его жизни исчезли при первом столкновении с чёрными глазами — он пришёл в редакцию на личную встречу с Кейлин Руслановной.

— ...Сведения раздобыты незаконным путём, и даже не смей говорить, что это не так. У тебя ещё хватило мозгов выложить всё в чистом виде. Конечно, такие, как ты, редко задумываются о том, что могут помешать кому-либо. А теперь запомни — это был последний раз...

— Виктор, да? Запомни лучше ты, что точно так же не имеешь никакого основания лезть в дела полиции. Или назовёшь это «неравнодушный гражданин, оказывающий помощь следствию»? Может, «волонтёр»? Легко строить из себя хоть что-то, прячась за фамилией своего отца? Давай-ка лучше взглянем на твои косяки...

Кейлин помахала перед носом Виктора бумагами, а он со всей злостью отшвырнул их в сторону и жадно впился в её губы. Ещё не совсем осознавая зачем, рискуя превратить её в очередную девку, проходящую мимо его постели. Иногда эти девушки были разными, иногда одни и те же. Пока, незаметно для самого Виктора, его не затащило в омут с головой.

Кейлин, точно так же как и многие до неё, влюбилась в этот чётко выстроенный типичный образ: харизматичный, холодный внутри, ни перед кем не покорный, любящий только одну «ту самую». Девушка имела «особенности»: они не выделили её на фоне других, но стали причиной. В дальнейшем ещё и поводом для частых ссор.

На душе было беспокойно. Может, так выглядит боль, нанесённая не безразличным для тебя человеком? Тогда следовало бы обидеться, а он не мог позволить себе такого по отношению к ней.

Виктор продолжал сидеть на кровати, закрыв ладонями лицо. То думая о чём-то своём, то отгоняя все мысли прочь. Пока не раздался звонок, на который он долго не реагировал. В очередную попытку кого-то дозвониться до него Виктор подскочил с места искать свой телефон.

— Алло?!

— Ты с Линкой?

— Нет.

— Отлично. Тогда расскажи мне, сынок, какого хрена происходит? — «Конечно, отец не мог оставить случившееся на заброшке без внимания — очередной повод почитать нотации, выставляя себя в самом умном свете».

— Ты разве не в курсе?

— Очень даже в курсе, но ты меня не понял. Я хотел бы слышать, как у тебя с головой? Там есть чем думать? Например, о матери с больным сердцем, о том, что мне ей теперь

сказать?

— Ну... Ты же знаешь, что на поздние прогулки я теперь всегда беру оружие.

— При чём тут оружие? Я тебя про это, что ли, спрашивал? Какое на хрен вообще оружие? Сильно тебе помогло твоё оружие?

— Шокер...

— Ааа. Вон оно что. Таким оружием можешь себе одно место пощекотать. Толку больше будет.

Отец Виктора не стал продолжать эту тему — почувствовал неладное в отстранённой, холодной речи сына и сменил свой вечно саркастический и служебный тон на более мягкий и отеческий.

— Сынок, у тебя всё хорошо?

— Я устал и собирался лечь спать.

— Поссорился в очередной раз с Линкой?

— Я устал и собирался лечь спать. Я хочу спать, — скучающим тоном выдавил Виктор, делая паузу после каждого слова, будто ему совсем не до чего нет дела: «Догадайся уже, что я не желаю ничего обсуждать! Не маленький мальчик — сам справлюсь».

Отец не совсем понимал, что говорить сыну в такие моменты. Знал, что у него были девушки на одну ночь и он из-за них никогда не менял своего настроения. Какая вообще может быть речь о душевных или эмоциональных переживаниях в таком случае? Если только со стороны тех несчастных

дамочек.

— А ты знаешь, это тебе, наверное, за твоё безрассудное поведение с другими достаётся. Знаешь, как оно всё в нашей жизни взаимосвязано.

— Смотрю, годы берут своё — пофилософствовать захотелось?

— Тьфу ты ж. Я волнуюсь за тебя, помочь как-то хочу, а ты как говнюк себя ведёшь.

— Во-первых, у меня всё просто здорово, во-вторых, у тебя плохо получается помогать.

«У него всё просто здорово. А у нас с твоей мамой — всё здорово? Ты у нас спрашивал? Неужели думаешь, что мы не замечаем чего-то в жизни единственного ребёнка? Но раз молчишь, то и молчи себе в тряпочку, ну и хрен с тобой!»

Жизнь Виктора уже давно пошла под откос. С тех же пор он изменился, а в последнее время и вовсе стал несносным. Когда-то Кейлин удалось вдохнуть в это тело хоть немного осмысленности. За что эта девушка полюбила мать Виктора. У его отца были двойные мысли по этому поводу. Он был не против, хотел счастья своему сыну, но боялся этого союза. Просто он знал, что это был союз «пролитого спирта и незатушенной сигареты рядом».

— Ладно, я утром заеду за тобой.

— Не надо. Сам справлюсь.

— Сам ты себе трусы стирать будешь. Или ты такой умный, не собираешься завтра ни в какую поликлинику? У ме-

ня, между прочим, тоже там дела есть. Так что я проконтролирую.

— Да, я понял. Спокойной ночи, — рассерженно выдавил Виктор.

— Спокой... — «Сбросил...»

Виктор отшвырнул телефон в сторону. У него жутко разболелась голова. Слишком сильно он беспокоился за происходящее с Линой. Была ли в этом его вина? Как же он боялся её потерять, как ревновал к созданному в её голове миру, в который та рисковала по глупости провалиться вновь. Он хотел помочь, но не знал, как правильно это сделать. Потому позволил ей сегодня уйти.

Он засыпал с мыслями о своей черноволосой леди. Она всегда была в чёрном. На её глазах ровные чёрные стрелки, но чаще всего она ходила без макияжа. Ему нравилось, когда Лина сидела на его коленях и трогала его мягкие, объёмные волосы; пролезала холодными пальцами под воротник свитера, царапая ногтем по сонной артерии, а он проводил ладонью по её объёмным и упругим ляжкам в сторону тёплого и мокрого места...

На кровать забралась кошка Чапа. Самая обычная, беспородная, с пушистой дымчатой шерстью. Он купил её ещё котёнком на рынке у какой-то бабушки. Все знали, какая судьба ждала котят в коробке, если не получится распродать.

Виктор на тот момент ещё жил с родителями. У матери была небольшая аллергия на кошек: банальность, от кото-

рой она отмахнулась, потому что была рада новому члену семьи, — при долгом контакте начинал чесаться нос и слезились глаза, поэтому мать редко брала кошку на руки. Отец, по крайней мере, был не против. У того в жизни была лишь одна собака, и то в детстве. Так что он, придя с работы, принёс домой корм «Чаппи», предназначенный для собак.

«А какая разница? Один хрен — корм».

Мама долго смеялась и в итоге предложила назвать котёнка Чапой.

Кадр № 11. Клетка

Кейлин не было страшно. Она снова и снова прокручивала последние серии в голове, как и обещалась сама себе. Всё лучше, нежели осознавать ЕГО присутствие прямо здесь и сейчас, за дверью квартиры.

Когда собственные мысли перестали действовать как спасательный круг, девушка поднялась с пола и направилась включать свет в каждой комнате.

У неё была съёмная однушка, за которую арендодатель просила только оплату коммуналки. Везде, кроме спальни, где поклеены обои жёлтого цвета с причудливыми завитушками, — голые побелённые стены. Прихожая в пару раз больше всех остальных комнат, где стоял узенький шкаф с вешалкой, вся обувь валялась открыто, вдоль стены, а рядом расположилась сложенная гладильная доска, которой Кейлин никогда не пользовалась. Если нужно было что-то погладить, то она раскладывала плотную, ещё принадлежавшую матери ткань на полу. Здесь же, в углу, рядом с совмещённым санузлом, несуразно торчал толстенный стояк.

Квартира была пустой. Только полочка в ванной, с висящим на перекладине полотенцем, уставленная небольшим количеством баночек, являлась украшением. У входной двери валялся маленький пыльный чёрный коврик. Раковины с открытыми гофрами и шлангами. На кухне всего две тум-

бочки, вместо стульев — табуретки. А в крошечную спальню влез лишь раскладной диван, который Кейлин предпочитала не раскладывать. Кофейный столик — единственная новая и опрятная мебель, на нём всегда лежали тетрадь, ноутбук и ручка — большего девушке из вещей было и не нужно. Здесь же на стене висело зеркало во весь рост. И массивные чёрно-белые шторы прикрывали вечно продуваемое окно.

Кейлин отписалась Виктору: «Я дома. Спокойной ночи», на что тот моментально ответил: «Сладких снов». И с чувством выполненного долга уселась на диван перед ноутбуком, на котором включила онлайн-трансляцию телеканала, где в ночное время постоянно шли фильмы-боевики. Она ни разу даже не взглянула на экран — немигающий взор был направлен в сторону тёмного окна.

«Самое время немного отдохнуть, чтобы с первыми лучами солнца сказать: «Это был всего лишь сон». Сон не что иное, как подведение итогов за прошедший день. Только во сне мы можем видеть истинную суть вещей, прикоснуться к себе настоящим. И если такова стала жизнь — мрачная, неестественная, декоративная, то стоит закрыть глаза и больше никогда их не открывать».

Запись № 4. Рутинa с подвохом

17.10.2022

Кадр № 1. Семейное утро

Прозвенел будильник, и вместе с постепенно светлеющим небом, уходило ночное наваждение. Как будто ничего и не было, только в груди всё равно что-то саднило, на душе лежал тяжёлый груз, а боль притупилась наступившим новым днём.

Первым делом хотелось сходить на кухню попить воды. Взгляд прошёлся по большому в полный рост зеркалу, висевшему напротив выхода из комнаты, и планы сразу поменялись. Пришлось половину времени потратить на приведение себя в более-менее божеский вид: умылась, расчесалась, сменила вязаный топ на белую блузку, и на этом хватит. Всё остальное время я стояла как вкопанная перед выходом из квартиры, борясь с какой-то неопределённостью внутри. Пока не зазвонил телефон.

— Солнце, если готова — выходи. Мы с отцом заедем за тобой, — прозвучало довольно надменно.

— Не нужно, я сама поеду.

— Как скажешь. — Виктор тут же скинул трубку.

Почему-то мне всегда было неловко видаться с родителями Виктора. Тем более быть свидетельницей недомолвки между отцом и сыном, учитывая, с каким недовольством он говорил о том, с кем собирается заехать. И хотя в целом я ничего не имела против того, чтобы меня подвезли на ма-

шине, — взбесил лишь тот факт, что Виктор, конечно же, не слушал меня. Я уже и забыла, как не решалась выйти за порог квартиры, — просто вылетев из неё без всяких сомнений.

Он, как я и предполагала, уже стоял чуть ли не вплотную к подъездной двери, так что ему почти прилетело по носу.

— Привет. Ты сегодня очень красивая. — Виктор улыбнулся, гордо вздёрнув подбородок.

Он схватил меня за руку, притянул к себе и поцеловал, практически до боли впиваясь в мои губы. А потом потащил за собой и усадил в машину на заднее сиденье чёрной шестёрки. Выглядело это всё довольно грубо. На деле было так же, но меня такое поведение любимого человека давно не волновало и стало чем-то приемлемым. В конце концов, каждый выражает свои эмоции по-своему.

Отец Виктора выглядел не менее сексуальным мужчиной, чем сам Виктор. Высокий, худой, подтянутый, с редкой сединой на висках, несмотря на возраст. Гладко выбритое лицо, мимические морщины и запах охлаждающего средства после бритья. Весёлый и харизматичный. Виктор очень походил на своего отца во многих мелочах.

В машине Эдвина Петровича тоже всегда стоял приятный аромат, на панели висел старый выцветший блокнот, с фотографией почти голой женщины. С собой он всегда носил коричневую борсетку, наверняка купленную ещё во времена его молодости, но выглядела она прилично. И ещё ни разу я

не видела его не в полицейской форме, которая безумно ему шла. Как будто он уже родился в ней.

— Сынок, ты совсем охренел? — спросил Эдвин, возмущённый поведением сына.

— В чём дело? — Виктор, как всегда, надел на себя маску скучающего человека, которого собираются отчитывать ни за что. По его мнению.

Э.: Болван ты невоспитанный!

Вик.: Искренне не понимаю, о чём ты.

— О том, что ты иногда ведёшь себя как козлина редкостная.

— Да вы совсем, что ли, оба охренели тут? — Эдвин Петрович резко обернулся, глядя на нас ошарашенно.

Вик.: А давайте вы заткнётесь, перестанете выпендриваться, и мы просто молча поедем. Опаздываем, между прочим. — Виктор попытался построить из себя «миротворца», словно это точно не он стал причиной перепалки, но его тон вышел довольно грубым.

Вот кто умел закрыть рот одной фразой. Не какая-то философская заумная мысль, а банальная грубость, произнесённая с пугающей холодностью. Что на такое ответить? Да и захочется ли вообще. Но Эдвин Петрович смог — вдавил педаль газа в пол. Машина так резко рванула вперёд и сразу назад, что Виктора нехило трянуло, и он ударился носом о переднее сидение. Чётко рассчитанная схема смогла поднять немного настроение. В отличие от Виктора, я держалась

крепко.

Кадр № 2. Госучреждение

Доехали мы быстро. И даже по блату припарковались на территории больничного городка рядом с нужным зданием.

Здесь когда-то работала мама в пищевом блоке диетсестрой. Составляла меню на различные отделения, на каждый стол. Так что эта территория была для меня как родная. Мы с папой часто заезжали сюда, и мама угощала нас горячим обедом прямо с кухни. Больничная еда мне полюбилась ещё в те времена — отдушина в недели пребывания на стационаре.

Все здания с различными отделениями и рабочими помещениями, под некоторые из них также выделялись отдель-

ные небольшие постройки — старые, выложенные в основном из белого кирпича; соединённые асфальтированной, но уже давно побитой, дорогой, вдоль которой располагались красивые уличные фонари в виде домика с птичкой, клумбы с цветами, подстриженные кусты, выкошенная трава.

Здание из красного кирпича было единственным новым на территории городка. Его просто заново отстроили после пожара. В нём расположились кардиологическое отделение, наркологическое, психиатрическое, где работала мама Олив, и взрослая поликлиника на первом этаже.

Если заходить через главную дверь, то сначала попадаешь в достаточно длинный коридор с аптекой и магазином домашней одежды по левой стороне и буфет по правой. Сочетание странное, но, по-видимому, весьма прибыльное.

Мы с Виктором зашли в здание, крепко держась за руки, и ни разу не удивились, заведя Влада и Нэйтана, стоящих у буфета. Оба, что называется, от души уминали пирожки буквально из двух рук, кусая то один, то другой.

— О, здорово!

Нэйтан прокричал приветствие с набитым ртом, когда мы ещё только подходили. Но даже издавек я увидела, как у него изо рта вывалился небольшой пережёванный кусочек. Свою испачканную жиром от пирожков руку он вытер о штаны, которые всегда покупал и носил на один размер больше или изначально брал мешковатые фасоны; впрочем, Нэйтан так покупал любую одежду, кроме нижнего белья. Затем он

протянул руку для пожатия Виктору и Эдвину. Сын и отец безглаголиво переглянулись.

— Привет-привет. Как оно, твоё ничего? Судя по аппетиту, всё нормально? — как-то чересчур укоризненно произнёс Виктор.

— Нормааально, — протянул Влад, удовлетворенно улыбувшись. Ну просто маленький голодный котёнок, впервые объевшийся сметаной.

— Пирожки отменные. Ещё горяченькие. С рыбой и яйцом. — Нэйтан, продолжая жевать, продемонстрировал нам надкусанный пирожок.

— Чёртов извращенец. — В разговор вклинился Эдвин, который уже стоял у прилавка, выбирая что-нибудь и себе. — А мне вот лучше чебурек с мясом, будьте добры, — обратился он к буфетчице, показывая пальцем на нужный товар. — Нэйт, у тебя очко грязное.

Вся наша идиллия застыла, переводя взгляд на меня. Нэйтан носил очки, чаще всего даже не заморачиваясь с их чистотой. И сейчас на левом стекле красовалось жирное пятно.

— Что? Что вы так смотрите? А как я ещё должна была сказать? — с некоторой долей возмущения произнесла я, растерянно проходя взглядом по друзьям.

Ребята рассмеялись, а до Нэйтана наконец дошёл посыл моих слов. Он снял очки и протёр их своей белой рубашкой, на которую всегда натягивал футболку с анимешным принтом.

— Чё вы сразу ржать-то! С кем, блин, не бывает... — нарочито сконфуженно ответил Нэйтан, почесав нос.

— Например с теми, кто почаще следит за чистотой своего очка, — продолжил смеяться Влад с набитым ртом.

— А где Олив? Она ещё не приходила?

Нэйтан порывался что-то ответить, но прежде перевёл свой взгляд мне за спину.

— Да вон они. Собственной персоной.

Я обернулась и увидела заходящих Олив и её маму. Все друг с другом поздоровались. Эдвин Петрович подошёл к Елене почти вплотную и поздоровался отдельно.

— Ох, дорогой Эдвин Петрович, и вы здесь.

— Да как же теперь одних оставишь этих... Отличившихся болванов.

Елена и Эдвин укоризненно смотрели на нас, даже не сговариваясь. Два представителя своих профессий. С натянутыми масками строгости отчитывали нашкодившую детвору.

— Ну, почему бы не потащиться на какую-то там заброшку, когда то и дело труп за трупом находят.

— А их это не касается. То, что мать дома с больным сердцем, тоже не касается.

— Вот-вот, и не говорите. Кстати, как у Виктории дела? — Теперь Елена и Эдвин смотрели друг на друга, продолжая придерживаться чересчур деловитого тона. — Ходили к нашему кардиологу?

— Да, спасибо большое, что договорились принять нас

лично. Всё сделали моментом.

— Будет вам! Обращайтесь, конечно.

— Разглагольствовать долго будете? Или, может, мы уже пойдём конкретно по нашей задаче? — Всем своим нутром Виктор излучал недовольство, но максимально пытался походить на человека, которому было абсолютно параллельно на всё происходящее.

Е.: Если вы закончили уминать тонну холестерина с утра пораньше, то проходите, надевайте бахилы и снимайте верхнюю одежду.

От замечания о холестерине Эдвин аж перестал жевать свой последний кусок и спрятал за спиной жирный пакетик от чебурека. Мы прошли мимо зала с регистратурой в длинный коридор со множеством дверей.

Елена шла впереди всех. Завораживающая, уверенная в себе женщина. Её возраст был ей к лицу. У неё всегда была подкрученная чёлка набок. Особенно выделялась её тонкая шея и острые выпирающие ключицы. Она любила ходить на каблуках, носила недорогие, но со вкусом платья, под которые постоянно натягивала капроновые колготки. Елена пользовалась цветочными, но слишком резкими духами. А вот её дочь отдавала предпочтение сладким и карамельным нотам, что всегда оставляли лёгкий, ненавязчивый шлейф.

Народу в поликлинике действительно было много, как и всегда. Пробираться сквозь толпу — дело непростое. Среди тех, кто пришёл на приём сам, находились и те, кого сопро-

вождали медицинские сёстры или санитарки из своих отделений на различные компьютерные диагностики. Таких пациентов проводили вне очереди, отчего толпа начинала негодовать. На этой, и не только, почве часто начинались скандалы, слышимые с одного конца коридора до другого.

Наконец Елена остановилась у двери с табличкой: «Процедурный кабинет».

— Пипец, как будто на распродажу в магазине припёрся, — осматриваясь по сторонам, подытожил Нэйтан.

Е.: Пойдите тут. Я сейчас приду.

Елена только коснулась ручки двери, как на неё напала рядом стоящая женщина на костылях.

— Девушка, тут вообще-то по очереди.

— А у нас по записи, — деловито ответил Эдвин и толкнул Елену в кабинет, закрыв за ней дверь.

— Все такие умные пошли. По записи они. А нам тут что, до завтра стоять?

Елены не было долго. Наша собравшаяся компания уже успела разделиться: Виктор стоял и разговаривал с отцом, Нэйтан — с Владом. Мы же с Олив просто молча прижались друг к другу, стоя в стороне ото всех. Наблюдать за людьми и вслушиваться в их истории из жизни интереснее, чем пытаться говорить ни о чём. Зачастую это были самые банальные сетования по тому или иному поводу, но они имели свой шарм.

Когда Елена вышла из кабинета, за ней следом попыталась

войти всё та же назойливая и с недовольным видом женщина на костылях.

— Женщина, подождите немного, сестра принимает пока только по записи. — Елена судорожно выискивала глазами Эдвина в ожидании поддержки. И тот ответил ей удовлетворённым кивком. — Ребята, давайте, заходите по очереди. Кто из вас первый?

— А давайте я пойду, — вызвался вперёд всех Влад. — Воткнём в тонну холестерина тонну анатоксина. — Он подмигнул всем нам и скрылся за дверью под наш дружный смешок.

Справившись со своей задачей, Елена коротко попрощалась с нами, поцеловав и обняв перед уходом свою дочь. Далеко уйти она не успела — её окликнул и поспешил нагнать Эдвин Петрович. Они немного сместились так, чтобы не мешать остальным проходящим мимо, и о чём-то болтали, периодически поглядывая в нашу сторону.

— Что-то твой отец сегодня прямо-таки в ударе. Всё ухлёстывает да ухлёстывает за бедной Еленой Геннадьевной. — Нэйтан произнёс это от балды, невзначай, но тут же застыл и задумался, почувствовав на себе прожигающий взгляд Виктора.

Виктор и Олив покосились на Нэйтана: Олив — напуганно, а Виктор — полный претензий.

Вик.: Ты на что тут намекаешь? За языком-то своим следи.

— А я не в состоянии следить за очком и за языком одновременно, — отмахнулся Нэйтан.

Вик.: Не переживай, по тебе оно и видно. Так что я не в обиде.

— Хорош вам уже. Наверняка нас обсуждают. Вон как заискивающе смотрят.

О.: Да уж. Мы определённо влипли.

Вик.: Ммм... А я думал сова.

Из кабинета вышел Влад, и за ним сразу же влетел Виктор. Теперь все сидели молча в ожидании своей очереди. Последней зашла я.

— Кейлин Ратковских? — Меня встретила девушка, голову которой прикрывал платок. Из него кое-где выбивались чёрного цвета волосы. На бейдже я смогла прочитать только имя — Джамиля.

— Да.

— Отлично. Проходи, присаживайся на стульчик и клади руку на подушку.

Джамиля рылась в ящиках, что-то из них доставала и складывала в лоток. Она аккуратно разложила всё на тележке, рядом со столом, за которым сидела я. Меня весьма удивило наличие жгута, пробирок и системы для забора крови. О чём я напрямую спросила Джамилю.

— Да, извини, ты не будешь против? Елена Геннадьевна сказала, что ты принимаешь пирарцетам и цитиколин внутримышечно?

— Ну да.

— Так как ты решила отказаться от курса реабилитации после выписки из больницы, стоит хотя бы сдать кровь на проверку эффективности лечения и в случае чего исключить возможные побочные эффекты.

— Вроде никаких побочных эффектов.

— Какое-то время ты можешь их и не ощущать, но нам нужно понять, как вообще всё протекает. Может, стоит поменять препараты или переназначить курс лечения. Пойми, что в твоём случае может быть всякое.

Итак, все необходимые процедуры были осуществлены, получены попутные рекомендации и назначено время для ревакцинации.

В отличие от других, мне предстояло выйти с зажатой в локте рукой, что, несомненно, вызовет лишние вопросы у Виктора, распинаться перед которым мне не хотелось. Ещё во время моего нахождения в стационаре он вёл себя как чересчур озабоченная и крайне тревожная мамочка.

На выходе из кабинета, пока Джамиля стояла ко мне спиной, занимаясь утилизацией отходов и упаковкой пробирок, от ватки пришлось избавляться. Рукав блузки был обратно расправлен как ни в чём не бывало. Я не учла, что у некоторых сестёр слишком тяжёлая рука и после их манипуляций кровь может хлыстать как из ведра, а синяк на полруки обеспечен. Конечно, кровь проступила через белую блузку, конечно, я решила надеть белую блузку именно сегодня.

Виктор успел заметить пятнышко прежде, чем я успела его прикрыть.

— Что с рукой?

— Ничего особенного, просто криво-косо взяли кровь.

— Ни у кого не брали, а у тебя решили взять? — вопрос прозвучал с недоверием.

Я закатила глаза и решила влить в свой ответ максимум сарказма.

— Не парься, решила на всякий случай провериться на ХГЧ.

— На что?

Сначала лицо Виктора выражало непонимание, а когда остальные дружно рассмеялись, тот и вовсе весь расфуфырился от злости.

— Витёк, тебе такие вещи знать ещё рано, — с притворной серьёзностью и почти по-родительски сказал Влад.

Н.: Но мы уже готовы тебя поздравить.

— По мне, так это весьма дурацкая шутка. — Олив сразу же замялась.

— Ну что, раз мы тут закончили, предлагаю двигаться всем по своим рабочим местам. — Влад вышел вперёд к Виктору, вокруг которого мы и столпились. — Время, товарищи, время... — Он приободряюще похлопал друга по плечу.

Эта речь прозвучала весьма кстати на фоне надвигающегося шторма в виде Виктора. За что я благодарно подмигнула Владу.

Кадр № 3. Первые прогнозы

Мы выбрались из окрашенного в уныло-зелёный цвет помещения и синхронно направились в сторону автобусной остановки. Какое-то время шли молча. А потом первой заговорила Олив.

— Ребят, мы и дальше планируем делать вид, что ничего не произошло? — выдавила она боязливо.

Н.: Ты про что?

— Догадайся. — Олив закатила глаза и ответила со снисходительным нетерпением.

Н.: Ну, допустим, я вчера по дороге в магазин на кашку во дворе наступил, мне тяжело делать вид, что ничего не произошло, потому что она сохнет и пахнет, а мне ещё предстоит оттирать всё это дело.

Вл.: Вон оно что. А я и думаю, откуда так прёт всё время.

Н.: Так от тебя и прёт. Я сегодня новые и чистые ботинки надел.

— То есть ботинки с кашками ты решил дома помариновать... — слишком серьёзным для такой ситуации тоном констатировал Виктор.

— Да прекратите вы уже! Как дурачки, ей-богу. Судя по всему, вас никак не трогает вчерашнее происшествие. И эта прививка... А ещё мы отказались от нормального полноценного обследования. Да мало ли что могло произойти! Что

вообще было на уме у этого маньяка?! — неужённо щебетала Олив.

— Олив, успокойся. Мы все на нервах, как бы тебе ни виделось иначе.

О.: Что мы собираемся делать дальше?

— Дальше работа полиции, — непринуждённо ответил Виктор и закурил сигарету.

О.: Разве мы обычно не идём в параллель с ней?

— Могу предложить вернуться на заброшку.

Вл.: Хочешь, чтобы нас добили?

— За нас. Уже. Работает. Полиция, — с нетерпением, отчеканивая каждое слово, произнёс Виктор.

Вл.: Что, кстати, по трупу? Райн обещал утром полный доклад вроде как.

Вик.: Отец, когда утром заезжал, рассказал, что тело, отправленное на экспертизу, пока без заключения. С вырезанной почкой, следами изнасилования. Труп ещё вчера обнаружили тёплым, но по внешнему виду на свежий совсем не тянул. Без признаков сопротивления. Скорее всего, девушку тащили из питомника. По найденным уликам сделали вывод о причастности к убийству нескольких лиц. Ну и всё. Я сказал самое основное.

— То есть мы все могли остаться тогда без почки, — укоризненно произнесла Олив.

Н.: Если бы выжили. Нам мёртвым было бы глубоко плевать, с почкой, без почки...

— Не странное поведение для убийцы?

Вл.: Для обычного, среднестатистического убийцы — не сказал бы. Для маньяка-психопата вполне приемлемо любое нелогическое поведение. Особенно в группе, когда действуют по стадному принципу. Но нелогичным оно будет только для нас, не для убийцы. А что ты имеешь в виду под странным поведением?

— Зачем убийца полез к нам, если мы явно ничего не видели и не слышали? Обычно таким хватает насытиться одной жертвой.

Вик.: Поэтому не отпускаем выводы о группировке или культе. И я бы поспорил о том, кто что видел и слышал. Мало ли на что мы могли не обратить внимания. Вот и решил припугнуть.

— Вот и я хотела поговорить про кто и что видел! — воодушевлённо воскликнула Олив.

— Ну что, кто куда едет? — Но Виктор нагло потушил только что загоревшийся огонь в её глазах, а мы уже все дружно подходили к автобусной остановке.

Н.: Я домой.

О.: Я на работу.

— Я тоже на работу.

Вик.: У тебя ведь больничный почти на месяц, если не ошибаюсь.

— Не хочу сидеть дома без дела.

Вик.: Дома займись каким-нибудь делом.

— Не хочу сидеть дома одна.

Вик.: Я вечером к тебе приду.

— Это будет только вечером.

— Так, ну хватит это ваше: «Я буду, а я ещё больше буду».

Я вот вообще не знаю, зачем попёрся за вами, — громко и укоризненно пробубнил Влад.

— Точно, вот ты лошара. Тебе ж от поликлиники пешком недалеко шуровать. Пойдём, провожу тебя. Мне дома тоже заняться нечем. — Последним предложением Нэйтан весьма комично смог передразнить наш диалог с Виктором.

Влад и Нэйтан попрощались и ушли обратной дорогой.

— А ты куда пойдёшь? — обратилась я к Виктору, пока мы взглядом провожали отдаляющихся парней.

Вик.: Вас сейчас на маршрутку посажу и вернусь в поликлинику к отцу, он там надолго, так что успею.

Виктор прижимал меня к себе, целовал в висок, гладил волосы. Раньше я от такого таяла, но не сейчас, не сегодня. Было не больше чем просто приятно. Мои ощущения, эмоции, мысли находились не в этом человеке, но где-то рядом, где-то близко. В чём-то знакомом и в то же время в чём-то неопределённом, что я никак не могла сформировать в своей голове в одно целое.

— Лина! Наша маршрутка едет! — крикнула Олив, стоявшая всё это время скромно в стороне, каждый раз краснея, когда её взгляд падал на нас с Виктором.

— Давай, солнце. Не задерживайся на работе. Я вече-

ром приду. — Виктор поцеловал меня в висок на прощанье, крепко прижимая к себе одной рукой, потому что вторая была занята сигаретой.

Запись № 5. Подозреваемые

Кадр № 4. Профессиональные издержки

В последнее время он не часто выезжал на места преступлений, давая возможность Ланскому поработать самостоятельно. Вот и вчерашний выезд он оформлял сам, вместе с Райном, который позвонил Эдвину Петровичу, докладывая о присутствии в деле Виктора и Влада.

Уже в пять утра Эдвин сидел в кабинете, просматривая протокол Ланского. В первую очередь он делал это для своего сына. Работа отца стала для Виктора частью его жизни, оставляла на плаву после случившегося однажды. Эдвин много раз предлагал ему появиться в отрядах полиции официально, но Виктор боялся, что и там может пойти что-нибудь не так. Это окончательно убило бы его и без того нестабильную психику. Так что Эдвин в какой-то степени был даже рад такому решению. И, конечно, платил Виктору заслуженную зарплату каждый месяц из своего кошелька, ведь благодаря этому проходе Эдвин взлетел по карьерной лестнице.

Он, беспокоясь за своего сына, хотел поехать в поликли-

нику вместе с ним, быть рядом, поддержать, но твердолобый Виктор вряд ли бы на такое согласился.

На это у Эдвина заваялся козырь. Как раз сегодня он должен участвовать в сопровождении некоторых младших сотрудников на профилактическом осмотре. Надеялся на помощь с быстрым проходом по кабинетам от Елены Геннадьевны, зная о том, что сегодня она поможет шалопаям с шилом в жопе пройти на прививки вне очереди. Благодаря дружбе ребят он отлично ладил и часто общался с этой прекрасной женщиной. Потому Эдвина не сильно съедала совесть с обращениями к ней.

Он совершенно не ожидал темы, на которую они вышли во время разговора вдали от ребят.

— Эдвин Петрович, подскажите, пожалуйста, как продвигается работа следствия по делу наших балбесов?

— Потихоньку, помаленьку. Работы много. Ни рук, ни времени не хватает.

— Это точно подмечено. У нас такая же ситуация.

— А почему вы, собственно, задались таким вопросом? Переживаете за вашу дочь?

— Не считите за грубость, но за вашего сына я бы тоже переживала. Мы крутимся в таких профессиях, где везде есть кто-нибудь «свой». Так что, исходя из информации, которой обладаю я со своей стороны, складывается вывод, что либо чего-то не договариваете лично вы, либо наши ребята где-то темнят.

— Простите, но, мне кажется, я не совсем понимаю, о чём вы. Давайте так. — Эдвин выставил ладонь перед женщиной, желая сбавить обороты завязывающейся темы. — Я предлагаю убрать все формальности и просто нормально поговорить. В конце концов, это касается наших детей.

— Уф, да. Давай так.

Оба облегчённо выдохнули, вместе с тем перестав походить на два главных столпа, представляющих свои профессии. Даже поза, в которой они стояли, теперь казалась более расслабленной, не натянутой, а движения — не такими скованными.

— Ты же знаешь, что у Кейлин и Влада ножевые ранения?

— Да, у Холмакова на животе, у Линки плечо.

— У Влада ранение неглубокое, можно сказать, его просто поцарапали. Раны, конечно, кровоточили у обоих, но на только что полученные не походили. У Кейлин это было заметнее, потому что у неё рана вышла куда печальнее.

— Вы думаете, Холмаков не заметил бы, что с его раной что-то не так?

— Вначале — суматоха, шок. Дома — усталость, хочется поскорее лечь спать, там тоже не до этого... Да, мог не заметить. Или попросту промолчал о чём-то? Я давно знаю этого мальчика. Он прекрасно окончил учёбу, сейчас он один из лучших специалистов, несмотря на свой пока недолгий стаж работы и возраст.

— Что же могло случиться, чтобы сам судмедэксперт шёл

практически наперекор своему долгу?

— Это я у вас хотела спросить. Какие показания давали ребята?

Эдвин неожиданно резко погрузился в какую-то абстракцию. Он опустил взгляд в пол, выставил левую ногу чуть вперёд, уперев одну руку с борсеткой в бок, а другой почёсывал подбородок указательным пальцем. Мужчина тщательно размышлял о том, что сказать, но слова в его голове всё равно выходили неуверенными.

— Эдвин? Какие показания дали ребята?

Елена сильно обеспокоилась долгим молчанием и судорожно старалась поймать взгляд своего знакомого, при этом слегка наклонив голову набок и немного пригнувшись из-за довольно большой разницы в росте.

— Их нет.

— Как нет? Кого нет?

— Почему-то я только сейчас понял, что ребята толком ничего не рассказали.

Елена нервно рассмеялась.

— Замечательно. И чем же тогда занималась полиция?

— В основном трупом. Ребята сказали, что с пострадавшей не знакомы, ничего не слышали и не видели, к ним претензий по такому поводу и не было. Сказали только, что на них кто-то напал, что они... Что они разбежались... Да господа, мне нечего вам сказать. Я всё сказал вам ещё по телефону. Некогда нам идти по ложному следу и тратить ресур-

сы на какую-то там шпану.

— Значит так! — Елена снова выпрямилась, сложив руки в замок снизу, и заявила с полной решимостью: — Я поговорила с Джамилей и попросила её в довесок взять у Кейлин кровь на анализ.

— Зачем? Почему только Лина?

— Она принимает препараты, при которых ей следовало бы хоть раз посетить врача с момента выписки, не говоря уже о том, что она вообще должна была посещать дневной стационар и курс реабилитации. Так что мониторинг состояния здоровья не должен вызвать каких-либо подозрений. Если они действительно что-то скрывают, то нам не стоит идти напролом. — Елена с прищуром посматривала на Эдвина и нервно стучала каблуком по полу.

— Может, они не специально что-то не договаривают? Может, они, сами того не зная, что-то не договаривают? — медленно проговорил Эдвин, в попытках сконструировать свои вопросы.

— Это как?

— Ну...

— Ну, давай называть вещи своими именами, — произнесла Елена более настойчиво и с нетерпением выставив перед собой ладонь.

— Не... Ты думаешь, что они наркотой там баловались? Бред. С чего бы? — усмехнулся Эдвин, вжимая шею в плечи. В его взгляде читались мысли об абсурдности ситуации.

— Единственная причина якобы невнимательности Влада — отсутствие толковых показаний. Спутанное сознание при приёме наркотических веществ многое объясняет, — задумчиво и плавно произнесла Елена.

— И ты в это веришь?

— Я это вижу. У нас два отделения не пациентами с апендиксом забиты. Не знаю, что за ерунда происходит, потому хотелось бы знать, замешаны ли в этом наши ребята. — И добавила, с уже меньшим напором и печалью в глазах: — Моя дочь.

У Эдвина Петровича зазвонил телефон.

— Алло? Слушаю... Понял. Ждите у регистратуры, я сейчас подойду. Отбой. — Он закинул телефон в борсетку и обратился к Елене: — Наш договор всё ещё в силе?

— Раз обещала, то куда ж я денусь. Конечно, в силе.

Профессиональные маски снова были натянуты, и по коридору в сторону регистратуры направились: врач психиатрического отделения Городской больницы — Елена Геннадьевна и сотрудник следственного отдела — старший следователь майор Шнайдер.

Кадр № 5. Шарашкина контора

Такой же неожиданный поворот разговора случился и у непосредственных инициаторов произошедшего в заброшенной больнице. Когда тема стала буквально насущной при её рассмотрении под другим углом. Или, вернее сказать, при рассмотрении вообще, как только Олив первая спровоцировала данный вопрос.

Пожалуй, она была единственная, кто действительно переживал и волновался, кто не прекращал думать о том, что вчерашняя прогулка могла стать последней, как безответственно они поступили, пойдя в такое место и в такое время. Она была единственной, у кого в голове снова и снова

проносился момент нападения. Пристально его смакуя, пытаясь нащупать невидимую ниточку, которая, как чувствовала Олив, должна была существовать.

Девушка искренне пыталась отыскать в своих друзьях то же самое чувство, но не находила. И как изначально поставить свой вопрос, чтобы узнать всё напрямую, тоже не знала.

Олив была безумно рада, что смогла вывести ребят хоть на какие-то размышления. Именно по этой причине Кейлин сейчас ехала на работу вместе с подругой, хотя планировала воспользоваться своим законным отпуском. Завязавшийся разговор окончательно вывел её на желание написать статью. И Олив увидела горящий энтузиазм в глазах подруги.

— Ну что, ждём заголовки: «Нападение на журналиста»?

— Ага. Только сначала к Нерецкому зайдём. Как всегда, для галочки. — Кейлин строила из себя напыщенную особу перед подругой, складывая губы трубочкой, а затем они обе рассмеялись.

Девочки уже давно заходили в кабинет своего главного редактора Ильи Нерецкого для галочки, ради приличия и из чистого уважения к своему начальству. Оповестить о начале своей работы над новым проектом и получить подразумевающееся негласное одобрение.

Олив и Кейлин были, несомненно, чистыми алмазами в глазах Ильи. Он всегда выделял для них все необходимые ресурсы, если это было необходимо, и девочки взамен могли даже ничего не объяснять. Нерецкий знал главное: тот па-

рень, однажды с жалобами влетевший в редакцию и жизнь Кейлин, больше не допустит выхода в свет не отфильтрованной информации, из-за которой могут возникнуть очередные претензии или, что ещё хуже, проблемы. Эта девочка не видела границ дозволенного, а самое главное — имела возможность сунуть свой нос глубже положенного.

Газета «Простой день» была создана ещё матерью Ильи. Затем бизнес стал гореть, и женщина хотела отказаться от него. Сын перехватил инициативу в свои руки. Он арендовал маленькое помещение в здании бывшего театра, нанял сотрудников, и дело пошло. Закупил на сайте объявлений самые простенькие рабочие столы, там же отыскал более-менее сносные компьютеры и для приличия, поставил большой фикус в углу комнаты. Позади рабочих мест, у стены, стоял шкаф с канцелярией, бумагами и папками.

Олив и Кейлин с размаху влетели в редакцию, горделиво зашагав через весь офис, мимо компьютерных столов, выставленных в два коротких ряда. Все немногочисленные сотрудники данного учреждения уже были на своих рабочих местах и сейчас таращились выпученными глазами на образовавшуюся картину. Две девушки двигались в сторону кабинета Ильи Нерещкого, будто шли на свержение власти, зная, что войска и окружающая элита царя на их стороне. Посему они так же с размаху влетели в кабинет этого самого «царя».

Маленькая комнатка с диваном из искусственной кожи,

стоящим у окна, обрамленного тюлем; разросшийся папоротник в большом горшке, расположившийся в углу; на левой стене висел большой экран, а по правой — два стола, выставленных буквой Г.

— Добрый день, Илья!

— Здравствуйте, девушки.

Илья выглядел скучающим и каким-то измученным, хотя в народе его прозвали «весёлым мужичком». Низкий рост, выпирающий живот, короткая стрижка, но вечно добрые, полные энтузиазма глаза. Всегда в клетчатой серой рубашке, вылезающей из брюк, с расстёгнутой пуговицей сверху, незатянутый галстук набекрень. Он корпел над бумагами и даже не поднял головы. Сидеть в кабинете и упорно работать — совсем не про этого человека.

К.: Мы хотим написать про случившееся сегодня ночью.

О.: Да, вы представляете: «Нападение на журналиста»!

К.: Там ещё и труп без почки нашли.

О.: И пропажи по нашей области с запахом табака у некурящих.

— О, точно! — Кейлин вспомнила про рассказ от Виктора о пропавших и какое мнение по этому поводу высказала Олив. — Это всё может быть связано с культом.

И.: Нет.

— А ещё про убийства, они тоже могут бы... Что? — Олив застыла на месте с широко раскрытыми глазами.

— Простите? Вы сказали «нет»? — аккуратно и с некото-

рой претензией спросила Кейлин.

— Вон, видите, на столе буклет лежит? — Илья кивком указал на место, где на столе валялся цветастый буклет. — Скоро в наш город приедет парк аттракционов с цирком. Они сказали, что за хорошую рекламу сделают скидку. Можете считать, что это мой подарок вам. Тем более у тебя, Лина, выходные. Сходи, побалууй себя.

— Я чё-то щас не врубаюсь вообще... — Кейлин упёрла кулак в бок и наморщила лоб.

— Ты мне здесь не хами. — Теперь главный редактор звучал более энергично, но по-наигранному строго. — Вот кто тебя такому научил, с тем так разговаривать и будешь. Я дал вам задание — марш его выполнять.

К.: Неужели вы отдадите такой материал конкурентам? Если не напишем мы, то это сделает кто-нибудь другой. У нас и так рейтинги валяются к чёрту.

Илья Нерецкий шумно выдохнул, бросил ручку на стол и наконец посмотрел на девушек, заговорив сначала более мягко, а затем его речь переходила во всё более нервную.

— Вот другие пусть и пишут, а я в это всё, — мужчина прочертил рукой большой круг в воздухе, — влезать не стану.

Во-первых, предавая убийства огласке, мы только наводим больше паники среди мирного населения, мешаем работе полиции, и всё это будет на нашей совести.

Во-вторых, ты правильно подметила с рейтингами. Нет,

конечно, раз рейтинги валяются, то почему бы не привлечь внимание со стороны? Ведь именно этого нам и не хватало — усесться в дерьмо по уши. Очень эксклюзивный материал про то, как шайка недоумков строит из себя профессиональных киллеров. Ведь именно этого им и надо — чтобы о них говорили. А о нас что будут говорить? Что мы сидим здесь, трусы протираем и что писать нам больше-то и не о чем. Да и откуда нам знать, что на самом деле происходит? Я вот не верю, что наша полиция всё ещё не отыскала причастных. И ещё не известно, на чьей стороне эта полиция. Или, может, вы знаете чуточку больше? Тогда в таком свете я бы предложил задуматься над моими словами и не лезть, пока нос не прищемило дверью, распахнутой вышестоящими. Так что взяли буклет, и марш работать. — Напоследок Илья шлёпнул ладонью по столу, но не сильно, а как бы подводя итог сказанному.

Большого выслушивать от главного редактора девушкам не хотелось. Олив, стоящая всё это время как солдатик и с вжатой в плечи головой, схватила треклятый буклет, и они с Кейлин вылетели из кабинета Нерецкого как ошпаренные.

О.: Он что, пьяный?

К.: Он охреневший. Мне и в голову не могло прийти, что он член клуба масонских движений или заговорщиков об инопланетянах среди простых людей.

О.: Теперь я понимаю фразу: «Без бутылки водки не разберёшься». И что будем делать?

К.: Я не собираюсь писать про какой-то там цирк с аттракционами. Я иду домой, у меня законный отпуск.

— Ты и домой не очень-то собиралась. — Оливия поникла, как только на горизонте замаячила перспектива остаться сегодня на работе одной.

— Блин... — Кейлин тяжело вздохнула и обречённо посмотрела на свою подругу. — Давай сюда этот сраный буклет. А чё делать-то...

Кадр № 6. Непредвиденная обязанность

Товарищем по несчастью стал и Влад, которому пришлось сегодня столкнуться с не меньшей абсурдностью в его работе.

Он вместе с Нэйтаном подошёл к вечно серому и унылому зданию судебно-медицинской экспертизы, включающему в себя множество отделов, связанных с этим процессом. Около территории больничного городка, через дорогу, располагался роддом. Следом за ним, словно в шутку, — территория с бюро СМЭ; похоронным бюро с эмблемой ангела и на-

званием «Магия камня»; роспотребнадзор по местным районам.

Спешить было некуда, и Влад позволил себе провести с другом ещё немного времени. Самой интересной части работы явно не ожидалось, иначе ему уже давно позвонили бы. Со всем остальным в его отсутствие мог справиться находящийся на стажировке Руслан Залин.

С Русланом Влад поладил довольно быстро, так что один всегда мог положиться на другого без каких-либо проблем. Залин работал на чистом энтузиазме, всегда полон сил и энергии, словно кот Борис. Не расставался со своей огромной чёрной кружкой-термосом с крепким кофе. А на ушах висели наушники, откуда доносилась громкая музыка. Стиль в его одежде — панк-рок, но не слишком выбивающийся из повседневности, потому он спокойно ходил на работу в вещах с принтами подобной тематики.

Характером Руслан походил на Виктора и Нэйтана в одном флаконе. На мощных руках — татуировки леса, на лице щетина с рыжестью, глаза с оттенком синевы, вечно раздутые ноздри.

По возрасту Руслан на пару лет младше Влада, а выглядело всё с точностью до наоборот. Влад, как самый старший в компании своих друзей, всё ещё имел мальчишечье лицо; высокий рост — наравне с худощавым Нэйтаном. Кареглазый, окрашенный в блонд, с часто пробивающимися прядями его естественного цвета волос, что выглядело как краси-

вая задумка. Всегда ходил с подворотами.

Два друга допивали энергетик, купленный по пути, и наблюдали за резким изменением погоды. Светлое небо перекрывалось почти чёрными тучами в сопровождении грома, раскатывающегося ещё где-то вдаль, и вспышками молний. Каждый новый холодный порыв ветра приносил всё более отчётливый запах влаги.

С новым раскатом грома из-за угла вышел Руслан. Он шёл очень быстро, своим широким шагом, с какими-то бумагами в руках. Его белый незастёгнутый халат развевался по ветру, а один сильный порыв чуть не снёс шапочку с его головы, отчего тот поспешил подхватить её рукой. Завидев своего коллегу, он резко остановился, вытянув изо рта ещё не закуренную сигарету.

— Доброе утро, Владислав! Ты чего это опаздываешь сегодня? Там тебя девчонка ждёт.

— Вот те новость. А чего не позвонил? — Влад только хотел отпить из своей банки, как вдруг резко оттянул её от губ, взглянув на Руслана с недоумением.

— Выезд не требуется, тело и документация уже лежат у тебя на столах.

— В смысле? И что тогда от меня надо?

— Так сходи глянь. Я пока бумаги на подпись несу. — Руслан помахал этими самыми бумагами перед своим лицом и отправился восвояси, провожаемый опешившем Владом.

— Я так понимаю, есть проблема? — озадачился Нэйтан,

тоже провожая взглядом Руслана и шумно отхлёбывая напиток.

— А я вот вообще ничего не понимаю. Так что пошёл я лучше работу работать. Чувствую, меня там веселуха ждёт.

— Давай, удачи.

— Сплюнь. — Друзья пожали друг другу руку на прощание.

На контрольно-пропускном пункте задумавшийся и изрядно поднапрягшийся Влад отчаянно попытался пройти через триподы, но уже после первой попытки его окликнули.

— Холмаков, ты чё там? К нам подойти не хочешь?

— Зачем? Мне к себе срочно надо.

Влад отправился в сторону Пролынского и Смоха. Два мужичка в возрасте, находящиеся в крепких отношениях, — их внуки ходят в один класс. Когда один заступал на свою смену, второй не спешил поскорее оставить свой пост, а всегда задерживался поболтать. Они приносили из дома контейнеры с пирожками и обильно сдобренные майонезом салаты, приготовленные их жёнами. Благодаря им в праздничные дни корпоративный стол ломился от обилия домашней еды.

— Ты чё потерянный такой? На, подпишь свою поставь, что ли.

— Ох ты ж блин, точно. Извините, мужики.

— Ну, камеры ж недавно поставили. С нас потом три шкуры сдерут.

— Ой, я вас умоляю... Они хоть включены?

— Лампочка вроде мигает.

— Неслыханный прогресс. — Влад сделал необходимые заметки в журнале.

— Вот, теперь можете проходить, господин Холмаков.

— Благодарю.

Рабочее помещение для судмедэкспертов находилось по левую сторону от охранного поста, в конце длинного коридора. Вход представлялся массивной железной дверью. За ней — маленькое пустое пространство, из которого просматривалась рабочая секция, находился резервный выход и комната отдыха: почти как современная японская квартирка, квадрат один на один, где вместилось самое необходимое.

В ней Влад сменил свой клетчатый пиджак на белый халат, из него же достал и неуверенно натянул на голову шапочку и направился к своему рабочему столу. На нём действительно обнаружилась папка с протоколом первичного осмотра. Он успел досконально её изучить и даже одним взглядом пройти по трупу в холодильнике, прежде чем пришёл Руслан.

— Разобрал, что к чему? — спросил запыхавшийся Руслан своим басовым голосом и плюхнулся за компьютерный стол. Он сложил руки на груди и в половину оборотов крутился на стуле, заинтересованно глядя на коллегу.

— Если ты про документы, то да, ещё четыре года назад научился разбираться — это не проблема. Но вот что это всё значит — я искренне не понимаю, — парировал Влад,

которому совсем не нравились недомолвки в его работе — он предпочитал слышать конкретику сразу.

— Ты действительно ничего не знаешь? То есть ты тут ни при чём?

— Ты из себя сфинкса с загадками строишь?

— Я просто подумал, что это ты договорился поменяться местами с Дробашовым.

— А где сам Дробашов?

— Его по делу в область отправили.

— И как же я тогда мог поменяться с ним местами?

— Так я и говорю. Может, хотели тебя отправить, а ты там отмазку вкинул.

— Его, значит, в область отправили, а нам никого не могли прислать вместо меня?

— Меня можешь даже не спрашивать. Если ты не знаешь, то я тем более.

— И что я вот теперь должен делать? Выполнять чьи-то приказы, за которые потом присесть могу?

Руслан в ответ развёл руками. Влад тяжело вздохнул и достал из кармана халата телефон.

— Вить, привет, снова. Мне твой отец нужен...

Запись № 6. Всплывающие подробности

Кадр № 7. Страх журналиста

Заурядных рабочих будней, несмотря на короткий стаж, хватало за глаза. На первых порах даже мелочи становились чем-то интересным и выделяли один день от другого, что оставляло неизгладимый восторг.

С появлением Виктора многое поднадоевшее вновь на какое-то время заиграло яркими красками просто потому, что этим было интересно поделиться с любимым человеком, который всегда осведомлялся о том, как прошёл мой рабочий день. Сегодняшний ответ норовит выделиться среди прочих, каждый раз почти одинаковых.

Немногочисленные сотрудники редакции отметили поведение Нерецкого, но обеспокоенными по этому поводу оказались только мы с Олив. Среди постоянного балагана, учиняемого работниками, часто присутствовал сам Илья: «Смотреть фильмы? А давайте в моём кабинете на большом экране. Обед? Пойдёмте в ближайшую пиццерию, там ещё молочные коктейли самые вкусные. Мало корпоративных мероприятий? Тогда давайте сегодня по домам. Не замо-

рачиваться же, в конце концов, с организацией на какую-нибудь турбазу с шашлыками, или что там сейчас модно?»

Конечно, в офисе существовали и вечно корпящие. Я с Олив в том числе.

Но не сегодня. Сегодня мне предстояло заниматься созданием скучной рекламы для цирка, и я слишком часто отвлекалась на безделье со своими коллегами.

Либо прокручивала в голове самый приятный рабочий день в моей жизни: мужчина, вломившийся в офис и пролетевший через все столы в сторону кабинета главного редактора. Я не знаю, да и позже не спрашивала, что у них там происходило, но полыхающий Виктор вытянул оттуда Нерецкого чуть ли не за шкурку. Илья смотрел на меня таким взглядом, что его просьбу «выйти поговорить с этим молодым человеком» даже не требовалось озвучивать.

Я мигом сориентировалась, по какому вопросу меня собирались отчитать, — взяла нужную папку со стола, и мы с Виктором вышли в пустой узкий полутёмный коридор, больше походивший на подсобное помещение. Он очень долго стоял и разорялся, пока я не перебила его, помахав папкой перед носом. Якобы компромат на него тоже имеется. Виктор, недолго думая, вырвал папку из моих рук и отшвырнул её в сторону. Я сильно перепугалась от выражения его лица, когда он схватил меня за горло, прижав к стене.

Возмущённая таким поведением, я захотела высказать свои мысли по данному поступку с его стороны или попы-

таться успокоить, возможно, позвать на помощь. Только я сформировала примерную речь в своей голове и открыла рот, как наши губы соприкоснулись.

Он наблюдал за моей реакцией, не продолжал и не углублял поцелуй. Вся моя составленная триада вылетела из памяти, как пробка от шампанского. И я буквально сказала: «Да», обхватив руками его шею и сделав первое ответное движение губами.

От заданной начальником работы меня отвлекал и мой изначальный план, ради которого я сегодня приехала в офис. Мне запретили публиковать, но не писать. И я писала, медленно, но верно, собирая всё воедино, каждый раз натываясь на ощущение, что чего-то не хватает. Ещё немного, и меня стало бы это раздражать, как рядом появилась Олив со своим временным предложением.

— Слушай, может, сходим в кафе, тут неподалёку? У них бизнес-ланч по хорошей цене.

— Звучишь как Нерецкий.

— Звучит как то, что уже время обеда, а я сегодня даже позавтракать толком не успела. — Олив стояла рядом со мной, но была поглощена своим отражением в маленьком зеркальце, намазывая губы блеском, у которого колпачок был с кошачьими ушками.

— Я такая же фигня. Иди, я тебя догоню.

Олив ушла, попутно прихватив свою сумку, а мне предстояло выполнить целую процедуру по предохранению всего

написанного. Как бы там ни было, а в случаи с потерянными файлами встречать не хотелось. Только один внешний вид компьютеров с квадратными мониторами заставлял содрогнуться.

У меня имелся внешний жёсткий диск, куда скидывалось всё написанное однажды. Каково же было моё удивление, когда я обнаружила диск абсолютно пустым. На нём была всего одна закодированная папка с названием из непонятных символов. И кто бы только помнил о каком-то там пароле для доступа к этой папке. Хорошо, что у меня был тот, кто определённо мог помочь. Я достала телефон и набрала номер Нэйтана.

— Алло, привет. Ты сильно занят?

— Привет. Не особо. А что стряслось?

— Ты не мог бы подъехать в кафе рядом с моим офисом?

— Как кафе называется?

— «Стрелец».

— Пум-пум-пум... Чё с тебя взять, Линка... Щас подъеду.

— Спасибо, Нэйт! — Почему-то на моём лице всегда появлялась глупая улыбка, когда мы разговаривали с ним один на один.

План был прост — попросить Нэйтана восстановить все данные на жёстком диске, куда бы они ни подевались. Оставалось верить в то, что он сможет это сделать. Иначе меня прямо сейчас могла охватить паника.

Сумбурный рабочий день подходил к концу. Только стрелка часов заняла нужную позицию, как из офиса один за другим испарялись его каждодневные обитатели. Текст для рекламы цирка написан и предоставлен вместе с нужными артами от Оливии нашему верстальщику, которому я пообещала хуй на нос наклеить, если тот не сделает свою работу к завтрашнему утру. Так что можно было спокойно ехать домой ждать Виктора.

Кадр № 8. Голые факты

Краткая справка:

Пароль к документу <https://cloud.mail.ru/public/SxeW/hoKT9MtKf>: фамилия девушки.

Этот файл обязателен для всех, кто решил принять участие в расследовании. С него и по нему ведётся игра.

Заходите в специальное обсуждение (Расследование Дела о ДУ) в нашей группе, сплотись с другими игроками и проводите расследование вместе.

Он пришёл, как всегда, при параде. От него вкусно пахло моим любимым одеколоном: запах, сводящий меня с ума каждый раз. Он это знал и он этим пользовался.

— Привет. — Виктор схватил меня за талию, приподнял, покружив в воздухе, а затем прижал к своей груди. — Я соскучился. А ещё я очень голодный. Можешь что-нибудь приготовить?

— Можешь поискать что-нибудь в холодильнике.

— Я всегда мечтал, что буду приходить поздно вечером домой с работы, где меня будет ждать любимая жена и тёплый ужин.

— Ну, пока я не твоя жена, могу себе позволить не напрягаться. И ты за это время можешь научиться заботиться о своих потребностях сам, кроме той, что удовлетворял в постели с другими.

— Вот видишь, ты уже как настоящая жена пытаешься выносить мне мозг.

— Если тебе не нравится демоверсия, зачем тогда задумываться о приобретении релиза?

— Если будешь выражаться как Нэйтан, я действительно задумаюсь об этом.

— Вот и поговорили.

— Извини. — Виктор порывисто взял меня за руку, притягивая ближе к себе, и опустил взгляд в пол. — Просто ты действительно важна для меня, и я действительно часто

представляю тебя как свою жену, а ты продолжаешь припоминать мне моё прошлое, которое уже давно... В прошлом. Разве я даю тебе поводы сомневаться во мне? — Он поднял на меня встревоженный взгляд.

— Не знаю... Иди мой руки, и пойдём на кухню. Мы можем приготовить что-нибудь вместе.

— Такое мне тоже нравится. — Виктор улыбнулся, порывисто поцеловал меня в щёку и направился в ванную.

Я быстро перетасила ноутбук из комнаты на кухню и сразу же направилась к холодильнику, проходя взглядом по полупустым полкам.

— Если не хочешь заморачиваться, давай просто отваримпельмени.

Виктор тихо подобрался сзади, положил свою руку мне на живот и прижал к себе. Я повернулась к нему, и его лицо оказалось слишком близко, так что следующие слова были произнесены почти у самых губ:

— Нет уж, раз взбаламутил, то давай не отлынивай. Включи какой-нибудь фильм. Я щас продукты достану...

Виктор направился к ноутбуку, а у меня появились мысли о вкусной жареной куриной грудке, которую для начала пришлось поставить из морозилки под горячую воду.

— Макароны отварим или салат сделаем?

— Как хочешь, зайка.

— Ну, это же не я голодная.

— Ты там мясо поставила размораживаться, да? — Вик-

тор вытянул шею, заглядывая в раковину. — Давай тогда салат.

Я помыла овощи, разложила всё необходимое на столе, и мы приступили к нарезанию, с тихо звучащим фильмом на фоне, который мы смотрели уже много раз, но он нам нравился.

— Как сегодня на работе?

— Какой-то сумбурный бред, честно говоря.

— Да ладно? У тебя тоже веселуха была?

— У меня тоже?

— Ага. Давай сначала своё рассказывай.

В голове история выглядела куда более красочной, чем я выдала Виктору. Однако триада Нерецкого была воспроизведена слово в слово.

— В целом где-то он и прав.

— В чём? Он просто бред сказал.

— Я вчера тоже сказал, что не надо шумихи.

— Не понимаю, какая разница, напишу я или кто-то другой...

— У полиции пока ничего нет. И они не выдают информацию просто так, по расписанию. Так что другим её неоткуда взять, в отличие от тебя. И что ты сделаешь этой статьёй? Заставишь полицию работать? Заставишь их принять факт серийных убийств?

— Но ты ведь считаешь, что это серия.

— Считаю. А знаешь, почему я так считаю? Уверена ли

ты в моих предположениях?

Мне было нечего ответить. Я действительно не знала всего того, о чём мог знать Виктор.

— Не знай я твоего прошлого, посчитала бы тебя занудой.

— А ты собираешься помыкать мной через моё прошлое?

— Никогда... Просто расскажи.

Виктор кинул нож на стол, закончив с нарезанием овощей и обтирая руки полотенцем. Он зашёл с ноутбука на свою почту и перекинул на рабочий стол какой-то файл с названием «Жертвы». Затем отправился разделываться с мясом. У мужчин оно получается просто отменным. Приготовленная ими пища самая вкусная. А мой папа всегда готовил божественную жареную картошку. И в целом мужчина у плиты выглядит сексуально.

— Началом нашей серии можно считать 23 июня — первая пропажа, объявленная в розыск. Есть ещё неофициальные пропавшие — те, у кого также подмечали странности в поведении за неделю до исчезновения. Кто-то попадал под камеры, тогда удавалось установить предположительный маршрут и примерное направление, но след обрывался сразу за слепой зоной. Среди них есть те, о ком даже не заявляли в полицию.

С препаратами тоже странная картина выходит. Некоторые пострадавшие, имеющие опыт приёма, вдруг ловят передозы. Откуда другие жертвы брали наркотические препараты — не известно, потому что под наблюдением у врачей

не находились. При этом почти у каждого одни и те же жалобы: галлюцинации, бессонница, панические атаки, кровь из носа, кашель.

22 июля была найдена изнасилованная девушка. На кровати в доме жертвы обнаружили розу. О схожих преступлениях я уже говорил вчера. Добавь сюда изнасилованную Вокерн.

Виктор всё это время обмазывал наполовину размороженный кусок мяса в соли и соусе. Вымыл руки, поставил на плиту сковородку, залил в неё масло и достал из кармана джинсов пачку сигарет.

Минута молчания, пока Виктор курил, за которую я осознала, что практически его не слушаю, а всецело получаю удовольствие от наблюдения за ним. Когда у него в руках была сигарета, он выглядел ещё более привлекательным.

— Орудия убийства чередуются со всем, что, судя по всему, попадалось под руку. Это и арматура, и гаечный ключ, и даже, мать его, не поверишь, лампа — наш случай от 1 августа.

Да и кто будет обращать внимание на алкашей и их бытовую жизнь, где каждый день кто-нибудь кому-нибудь морду расквасит за право трахаться с жирной тётёй Тоней. А уж сколько там случайных убийств и нелепых смертей происходит, вообще забей...

Были преступления и в черте города. Уже более поздние и с новым почерком. Картина такая, что сначала люди на-

чинают пропадать, потом убийства маскируют под случайные смерти или под слишком удобных подозреваемых, откуда формируется дело с доказательной базой и далее рассмотрению для связи почти не подлежит.

Ребята прощупывали почву, начиная с самых безобидных деяний, продолжили убийствами, которые буквально ложились им на руку, и, полные решимости, они заявляются в город.

Собственно, в документ я внёс дела, которые происходили в нашей округе и над которыми работала наша полиция. Остальное — сборная солянка из раздобытых сведений по области в целом. — Виктор, стоящий у плиты, повернул голову в мою сторону. — Что из этого ты могла не знать? — вопрос прозвучал с каким-то сарказмом.

На самом деле, мы никогда по-настоящему не затрагивали описанные только что события — проходили по ним вскользь. Так что я действительно была поражена услышанному, несмотря на сосредоточенность в совершенно ином направлении.

— И с какого же хрена полиция не объединяет дела?

— Потому что это у меня так складно всё выходит, а у них есть протоколы, по которым, только прикопавшись, можно объявлять о серийности. Или ты думаешь, что так легко взять и заявить об орудующей преступной группировке? Ты понимаешь, что с них за это три шкуры сдерут? И не за то, что они там что-то проворонили. А ещё свои не очень

любят, когда к ним лезут свои-чужие.

— И что? Стоять и смотреть, как гибнут люди?

— По-другому больших доказательств ты не соберёшь, увы. Да и если бы они были, уже давно б пересажали кого надо... Пустота... А идти с пустотой в прокуратуру — дело гиблое.

— Почему ты не рассказывал нам этого раньше?

— Вопрос ребром никто не ставил. Влад и так отчасти в курсе всего — он работал с некоторыми трупами. Нэйтан частично тоже в теме.

— Нэйт? — удивлённо переспросила я.

— Ага. Разузнавал кое-какие подробности по твоему стилю. Как вы там любите искать компроматы всякие?.. Нэйтан разве тебе ничего не сказал?

— А должен был?

— Не знаю. У вас же там свои особые отношения. Я в них не лезу. — Виктор пожал плечами, строя из себя полное безразличие без капли упрёка. Я решила это проигнорировать.

— Хорошо. Теперь рассказывай, что там у тебя за веселуха?

— Кто? Ты про что?

— Ты говорил: «У меня тоже веселуха была»...

— Ааа... Да, да, да. Только давай к нашему прекрасному вечеру добавим что-нибудь выпить. У тебя осталось вино? Или шампанское?

— Вино.

Я полезла за нераспечатанной бутылкой, принесённой как-то Виктором, но в тот раз дело до её распития не дошло. В шкафчике, где стояло вино, нашлась и настойка из черёмухи, которую всё никак не хватало смелости осилить.

— Давай настойку добьём? Будешь?

— Наливай.

Салат был готов, курица на подходе, а в рюмках настойка из черёмухи, выпитая залпом в ту же секунду.

— Ох, мать их за ногу. Хорошо пошла. — Виктор состроил кислую мину, пряча её в рукав своего свитера. — Короче. На выезд к Вотерн отправили отходящего Дробашова.

— Куда отходящего?

— Откуда я знаю? Наверное, в мир иной. Он на работу припёрся с жёсткого бодуна. Говорят, от него за километры пёрло.

— Ещё будешь?

Я протянула Виктору бутылку с настойкой. Первая рюмка действительно хорошо пошла — настолько, что её вполне было бы достаточно, если мы и дальше желали поддерживать конструктивный диалог. Но заполняющие всё тело ощущения требовали повторения. Виктор с прищуром уставился на меня, тоже борясь с желанием.

— Солнце, я не могу тебе отказать.

Он убрал мои волосы за ухо и поцеловал в лоб. Мы выпили ещё по одной рюмке, выложили готовое мясо со сковородки, и между поглощением пищи и третьей рюмкой Вик-

тор продолжил свой рассказ:

— Дробашов кое-как справился с первичным протоколом, и его погнали в шею — прокапаться в больничке. Всем остальным было заявлено, что его отправили по работе, чтоб не позориться. И Влад мне звонит, спрашивает: «Почему у меня половина первичной документации не заполнена? Почему Дробашова куда-то отправили, а нам на замену никого не прислали?..» Вот так вот. — Виктор доел свой салат, выпил ещё одну рюмку и опустился на стол, положив голову на руки.

— А почему вместо Влада кого-то должны присылать?

— По закону он не имеет права работать с трупом, будучи свидетелем. Я тебе уже сказал: кому оно надо, чтобы в устоявшуюся систему влезал кто-то чужой. Владу доверяют — остальное подшаманят.

— Офигеть... — выпалила я, но без всяких эмоций, поджав губы и обхватив руками свою рюмку.

В голову ударило. Язык совсем не хотел шевелиться, тело перестало ощущаться — как будто исчезла твёрдая земля под ногами. Виктор всё ещё лежал на столе, видимо, потихоньку засыпая.

Всё давно стало лишним. Мои мысли и желания слились в одной точке. Я выключила свет, фильм и решила поддаться своему состоянию. Ещё один штрих, и с ноутбука заиграла одна из наших с Виктором любимых песен¹. Словами пе-

¹ 5sta Family — Вместе мы

сен мы любили выражаться друг перед другом. Сначала было немного неловко, но когда зазвучал припев, зазвучали и слова, посвящённые здесь и сейчас только одному ему.

Виктор улыбался, сделал музыку погромче. Моё тело двигалось в такт. Что-то горячее разливалось ниже живота, когда он смотрел на меня и курил сигарету. Ещё пара быстрых затяжек, и в его руках оказалась я. Улыбка теперь разлилась на моих губах, когда Виктор был так близко, с абсолютно серьёзным лицом.

Он усадил меня на стол, прижимаясь ко мне всё ближе, как только я пошире раздвинула перед ним ноги, испытывая желание почувствовать его тепло. Мы никогда не спешили раздеваться друг перед другом. Нам хватало немного припустить мешающую процессу часть одежды. Я могла трогать его тело без возможности видеть. Это всегда мучительно, до степени ещё большего возбуждения.

Запах сигарет, исходящий от Виктора, дурманил и без того опьянённое сознание. Он целовал очень нежно, почти невесомо. Моё состояние не позволяло попытаться требовать чего-то большего. Сейчас меня устраивало оставаться наблюдателем. Смотреть за тем, как тело реагирует на прикосновения, на действия Виктора. Я абсолютно не помнила, в какой момент провалилась в глубины омута, пока он не вошёл в меня, вернув в реальность.

Возвращение ознаменовалось громким стоном, перекрывающим играющую на фоне музыку. От получаемых ощуце-

ний хотелось опрокинуться назад, расслабиться и, лёжа на столе, получать удовольствие. Но Виктор слишком сильно прижимал меня к своей груди. Его запах заставлял стонать с каждым грубым и резким толчком. Он делал это медленно, не спеша, чтобы я не упустила ни единого момента. Мне приходилось доставать себя прежде, чем сознание снова норовило отправить меня в небытие.

На очередной такой грани тело Виктора сильно напряглось. Он до боли впился в мои губы, заглушая наш последний стон, когда я почувствовала разливающуюся жидкость внутри.

Помутнение спало с первыми каплями воды в душе. Мир вокруг снова обрёл хоть какую-то ясность. Утром я забуду всё произошедшее между нами, но будет помнить тело. Испытанные ощущения отложатся в памяти преследуемой тенью. Ибо так я была адрессирована Виктором.

Сейчас я верила, что рядом с этим человеком смогу избавиться от призраков прошлого, что так и норовят наступить на пятки. Пусть его руки станут одеялом, под которым у меня получится спрятаться от собственного сумасшествия. Пусть стук его сердца станет единственным звуком в моей голове. Пусть его взгляд будет преследовать меня вместо изменяющих рассудок видений.

Запись № 7.

Медицинское отношение

Кадр № 9. Супруги

Это был тяжёлый рабочий день. Strongly отличающийся от всех остальных будней. Влад никогда не думал, что получит настолько абсурдное дело, на которое не имел никаких оснований. На нём лежала ответственность, принятая много лет назад без всяких оговорок. Влад любил свою работу и не собирался от неё отказываться. Тем более если за него поручились и оказали доверие. Главное, ни о чём не спрашивая,

довериться в ответ.

Ему пришлось потратить целый день, чтобы разобраться и дополнить первичную документацию с выезда, изначально оформленную другим судмедэкспертом. Он опирался на результаты, полученные в ходе осмотра тела, на свой опыт и знания. Но всё равно как слепой котёнок тыкался носом в нестыковки и нехватку некоторых деталей. При этом абсолютно не понимая, каких именно.

Как бы со всем этим справился Дробашов? Мужик возрастом пятьдесят восемь лет. Именно с ним не так уж и давно Влад проходил свою стажировку перед тем, как начать самостоятельно вести деятельность. В тот период у Дробашова умерла жена от рака щитовидной железы, и всё, что ему помогало справиться, — крепкое спиртное.

Для Руслана Влад стал таким своеобразным Дробашовым. Правда, у Влада жена не умерла, а стала его бывшей. Они с Лариен познакомились в колледже на лечебном деле. Девушка очень симпатичная, энергичная и легкомысленная. Окончила пару курсов и ушла из колледжа с дипломом медицинской сестры. Лариен не горела желанием быть врачом или вообще хоть как-то соприкасаться с медициной. Просто очередная шальная мысль поселилась в её голове; просто было престижно. И её родители заплатили за обучение своей дочери. Та была не слишком благодарной. Если ей наскучила эта идея, значит, она могла позволить себе без зазрения совести бросить учёбу.

Зачем ей быть врачом, когда им будет её будущий муж. Своим мужем она считала Влада спустя месяц отношений с ним. До брака Лариен была паинькой-заинькой, плясала перед Владом на задних лапках как могла, лишь бы тот не смотрел по сторонам. Не сказать, что Влад не замечал обратную сторону своей будущей жены за всей этой наигранностью, просто его это не сильно утомляло. Но всё, как говорится, до поры до времени. После брака Лариен уже не строила из себя маленькую несмышлёную дурочку, а у Влада в голове всё чаще проскакивали мысли о другой знакомой девушке.

Хотелось поскорее вернуться домой, принять душ, наполнить чем-нибудь пустой желудок и завалиться в мягкую постель. Влад и Руслан уже сидели с расстёгнутыми халатами и сползающими шапочками, заполняя в программе последнее поле, а рядом стояла остывшая кружка чая.

— И... Точка. Всё, зашибись. Вызывай такси. Время сматываться. — В кармане завибрировал телефон: «Лариен». — Алло?

— Привет, Влаша. Как твоё ничего? — В голосе Лариен звучала улыбка и чрезмерная уверенность.

— Только с работой закончил.

— Ой, как здорово. А заходи ко мне, чай попью.

— Нет уж, спасибо. Я ещё от вчерашних посиделок не отошёл.

Лариен работала в лаборатории на территории больничного городка. Даже после развода она надеялась на восста-

новление былых отношений: часто звонила, пыталась вывести на встречу. Влад прекрасно понимал и осознавал такое поведение со стороны бывшей жены, но для неё он навечно останется не больше чем просто другом. Другом, что подыгрывал её преувеличенной восторженности во время встречи, другом, который всё ещё старался находить в себе желание выбраться к ней во время ночного дежурства. Он как-то и не мог поступать иначе. Ведь мы навсегда остаёмся в ответе за тех, кого приручили.

— Точно. Знаешь, я наслышана. Говорила тебе, что эта твоя Кей... Нил... Лана... Или как её там... Короче, не доведёт твоя подружка до добра. — В сторону Влада посыпались неуместные упрёки.

— Кейлин. И хватит постоянно наигрывать одну и ту же пластинку.

— Да? А я думала, тебе будет интересно послушать про свою любовницу.

Лариен часто донимала Влада своей бессмысленной ревностью к Кейлин, не веря в банальную дружбу и совсем не зная про то, кто по-настоящему его заботил.

— Блять, — выдохнул Влад, — Слушай, мы можем поговорить завтра? — Перетекающая в непонятную беседа начала немного раздражать.

— Боже, что за слова? — Как будто Лариен была из тех, кто падает в обморок от мата и вида голых мужчин, но это был всего лишь образ невинности. — Мне просто интересно,

догадываешься ли ты, чей анализ крови у меня на руках?

Влад устало потёр лицо и сухо выдавил из себя слова, наполненные скупающими и отстранёнными нотками.

— Кейлин. Общий анализ крови.

Лариен победно рассмеялась, поспешив выделиться своей более ведающей позицией.

— Ну, ты почти угадал. У меня на руках тут ещё один дополнительный бланк на наркотики.

— Что? Какие ещё наркотики?

— Ох, вот и я хотела с тобой это обсудить. Бедняжка, я же всего лишь поддержать тебя хотела. Поделись, каково иметь друзей наркоманов? — Это было самое неуместное и неумело наигранное сочувствие.

— Какие ещё наркотики? Это очередной твой способ привлечь внимание?

— Вовсе нет. Приходи, увидишь всё своими глазами.

— И какие же там результаты, скажи мне, пожалуйста? — Влад чувствовал, как его терпение медленно доходит до грани. Он готов был засмеяться от нелепости происходящего. Иначе его могло обуять состояние шока.

— Владюш, просто забеги ко мне, и я...

— Результаты! Скажи. Мне. — Влад слишком резко и грубо оборвал Лариен, что было ему несвойственно.

Слова, прозвучавшие словно приказ, не на шутку перепугали девушку, избавив от всякого желания пококетничать с бывшем мужем.

— Их ещё нет! Результат будет готов к утру! Ты чёртов псих! — Пожалуй, сжавшееся сердце и подкативший к горлу ком были единственным не наигранным моментом со стороны Лариен за весь разговор.

Она быстро скинула трубку. Попытки дозвониться до неё и выяснить подробности были тщетны. Ему нужно было пойти туда, к бывшей жене, нормально всё обговорить, но в голову уже ударила совсем другая мысль: если что-то касалось Кейлин, то всегда оставалось единственное верное решение.

Кадр № 10. Симптомы

Кейлин стояла в ванной перед зеркалом, с ничем не прикрытым мокрым телом после душа. Она мазала лицо кремом, когда к ней подошёл Виктор.

Он выкурил сигарету на балконе, и холодный воздух привёл его в чувство после пары лишних рюмок настойки. Но ему тоже было необходимо ополоснуться — навести порядок в своём образе. Джинсы всё ещё не были застёгнуты. Растрёпанные волосы были пропитаны раздражающим запахом жареной курицы, а на губах ощущался вкус последнего поцелуя, воспоминания о котором продолжали играть в голове, наполняя тело желанием.

Виктор прижался к спине своей девушки и сначала погладил левое плечо, а над правым рука зависла в воздухе. Его гримаса сейчас заставила немного содрогнуться от страха.

— В чём дело?

— Что с твоей рукой?

— Так это же с заброшки.

— Что ты с ней делала?

— Ничего. — Кейлин заинтересованно посмотрела на своё плечо. Полученная рана изначально имела не слишком хороший вид, а сейчас она не была уверена в том, как должна была выглядеть эта штука. — Наверное, надо обработать. Мы завтра утром можем съездить к Владу...

Виктор незамедлительно выхватил телефон из кармана и набрал номер друга. Тот ответил после первого гудка.

— Привет. Ты занят?

— Нет. Я всё ещё на работе и сам собирался тебе только что звякнуть.

— Отлично. Можешь подождать нас? Мы с Линой через пятнадцать минут к тебе подъедем.

— Пууф... Ну давай. А что случилось?

— Сам не знаю. Надо, чтобы ты посмотрел.

— Без проблем. Дуйте пошустрее. — Влад скинул трубку.

— Так, стоп. Я никуда ни собираюсь ехать.

— Хорошо. Я вызову скорую. — Виктор снова закопшился в телефоне. Он знал, за какие ниточки надо потянуть. Кейлин терпеть не могла связываться с медицинской сферой и весь этот официализм, предполагающий принятие на себя лишней ответственности.

— Не надо. Я тебя услышала. Мы едем к Владу.

Он встретил их на пропускном пункте. Очень удачно на посту вновь сидели двое охранников — как всегда, один не спешил передавать свою смену другому. Они так увлечённо вели свою беседу, что не стали докапываться до Влада с его неожиданными посетителями.

Вл.: Ну, давайте, рассказывайте. Что у вас?

Рус.: Всем привет.

Вик.: Здравсьте. Ты тоже, что ли, ещё работу работаешь?

Рус.: Как всегда... — Руслан и Виктор пожали друг дру-

гу руки. — Мы, вообще-то, по домам планировали, но я так понял, у вас тут Санта-Барбара намечается. Не мог же я такое пропустить.

Вик.: Влад, дружище, посмотри, пожалуйста, руку у Лины. Чёт мне болячка её не очень нравится...

Влад уставился на Кейлин, а та невозмутимо уселась на диван в комнате отдыха и сняла свою кожанку, под которой был вязаный топик на толстых бретельках, так что ничем не перевязанная рана оказалась на обозрении у всех присутствующих.

Рус.: Ой, ё...

Вл.: Мдааа... Не самый оптимистичный вид. Ты что-нибудь с ней делала?

К.: Нет. Даже наложенную повязку только сейчас после душа сняла.

Вл.: Так... А что вы от меня хотите-то?

— Ну ты ж врач. Я не знаю, что там надо. — Виктор возмущённо протянул ладони, указывая на Лину.

Вл.: В целом похоже на инфекцию. Всё, что я могу, — взять мазок и кровь на анализ.

Вик.: А у тебя так же?

— Что у меня?... А, не знаю, не смотрел. Как-то не привык рассматривать своё пузо. — Влад приподнял свою белую футболку. — Русик, что там?

— Блин. Выглядит не так стрёмно. Тебя точно ножом пырнули, или кошка поцарапала? — Слишком сосредото-

ченный Руслан в конце издал смешок.

Вл.: Да тьфу на тебя. Витька, смотри.

— Ещё я твоего пуза не разглядывал. Увольте. — Виктор показательно закатил глаза и отвернул голову в сторону.

— Развелось неженок, понимаешь ли. — Влад подошёл к зеркалу и осмотрел свой живот. — Ну, рана действительно не глубокая и по виду не такая печальная. Я бы у себя тоже на всякий случай мазок и кровь проверил. Будем делать?

Вик.: Будем.

К.: Можешь ещё обработать и перевязать? А то она зудит и за одежду цепляется.

Вл.: Само собой.

Пока Влад обрабатывал руку Кейлин, он поведал о своём разговоре с бывшей женой. Если Руслан уже знал примерное содержание, то Виктор и Кейлин, полностью поражённые, смотрели на Влада с открытым ртом.

— Прекрасная новость. — Виктор упёрся в стену и потёр руками лицо. Следом он рассмеялся и ударил кулаком об стену. — И что делать?

— Ждать результаты. Анализ ведь ничего такого не покажет? — Влад, всё это время сидевший на корточках перед Кейлин, поднял на неё свой взгляд.

— Нет. Конечно, нет! Вы чё? Это просто какая-то фигня. Это бред! — Кейлин перепуганно бегала глазами по лицам столпившихся вокруг неё мужчин.

Вик.: Может, стоит поговорить с Лариен? Она могла тебя

просто наебать?

Вл.: Это вряд ли, дружище. Да и разговоры с ней бессмысленны. Что она такого может сказать?

Вик.: Ну хоть какие-то зацепки с неё можно содрать. Я примерно могу представить, кто инициатор этой офигеннейшей затеи. Не пойму только, с какой стати? К чему это вообще? С матушкой Оливии нашей драгоценной тоже хотелось бы поболтать...

Вл.: Стой, стой. Успокойся. Давай так, сейчас совсем не время для всех этих мозговых штурмов. Я правда очень устал и хочу домой, спать. Утро вечера мудренее, как говорится. Окей?

Вик.: Да, конечно, самое время пойти вздремнуть.

Вл.: Поверь, мне тоже не плевать на сложившуюся ситуацию. Я обязательно поговорю с Лариен. Мы обязательно всё узнаем.

Влад был слишком уставшим, но пытался оставаться спокойным по сравнению с Виктором, который сейчас на самом деле нуждался в таком поведении от своего «старшего» друга, ибо видел в нём непоколебимую уверенность и надёжность в завтрашнем дне.

Запись № 8. Вскрытие

18.10.2022

Кадр № 1. Заключение

Мне снился сон. Всё моё обессиленное тело горело. По лицу били мелкие ветки. На душе было легко и спокойно — я знала, к чему приближалась. Возможно, эта мысль давно стала моей целью. Я никогда не понимала одной самой важной вещи в моей жизни, но сейчас пришлось окунуться в это с головой. Стоило лишь позволить, попробовать, как в груди появилась пустота, которая была там всегда. Нутро излива-

лось чёрными слезами. Хотелось пожалеть себя.

Я бежала по тёмному лесу и наткнулась на, кажется, знакомые мне лица. Мне хотелось подойти к ним, всё рассказать, попросить о помощи, а главное, хотелось верить в то, что они могут её оказать и не предать. Почему я так отчаянно, всё это время, пыталась найти спасение у того, кто был в маске? Но в голове прозвучали старые слова, после которых требовалось лишь одно... Проснуться.

Прозвенел будильник, с каким-то странным звуком. Потом голос.

— Алло?

Виктор, сгорбившись, сидел на краю разложенного дивана с телефоном у уха. Я улавливала знакомый голос в трубке.

— По телефону никак нельзя всё обсудить?

По тому, как резко он вскочил на ноги и вышел из сонного состояния, уже можно было сделать неутешительные выводы.

— Понял. Сейчас подъедем.

«О неееет!» Мысли в голове неожиданно воспроизвелись вслух.

— Нееееет. Только не говори, что мы сейчас должны куда-то переться с утра пораньше, с опухшим лицом после пьянки. Который час? — жалостливо простонала я.

Виктор выжидающе смотрел на экран телефона, прежде чем ответить.

— Вот, ровно семь. Сейчас семь часов, и нас ждёт Влад.

— Замечательно. По какому поводу? Анализы пришли?
Вместо ответа меня встретил задумчивый и пустой взгляд. В груди забилась тревога.

— Виктор?

— А? — Он стоял как вкопанный, водя большим пальцем по губам.

— Ты чего?

— Да... Спать хочу. — Виктор одним моментом вышел из оцепенения. — Одеваемся? — бодро произнёс он.

«А куда деваться? Безысходное положение». И тяжкий груз раннего подъёма с коротким ночным сном требовали вжать голову обратно в подушку.

Тем не менее уже через полчаса мы подъезжали к бюро. Снова. За столько короткий промежуток времени. Дабы не вызывать лишних подозрений и вопросов, Влад попросил нас зайти через резервный вход.

Рабочая зона представлялась большой комнатой. У входа расположилась железная раковина с зеркалом во весь рост, следом — шкафы с папками и материалами для исследований. У дальней стены разместились холодильники. В центре — железные столы для трупов, а перед ними, у ещё одной стены, — два обычных стола, стоящих друг напротив друга. Секции разделялись ширмой, но сейчас она была отодвинута в сторону.

Нас с Виктором ожидал сюрприз. Вернее, четыре пары сонных, но с горящим интересом глаз.

— Вы чё-то зачастили к нам. Обычно здесь бывают всего единожды. — Руслан раскручивался на кресле, со сложенными на груди руками и широко расставленными ногами. Он усмехнулся, завидев нас, помотал головой и поднялся со своего места.

Вик.: И тебе доброго утра.

Виктор принялся каждому пожимать руки. Я же направилась обниматься с Олив.

— Ты чего так неважно выглядишь? — спросила она шёпотом.

— Отходняк. А что здесь за кипиш, не в курсе?

Вроде я отвечала так же тихо, лично своей подруге, но в разговор вступил Влад. Он прошёлся по помещению, оглядывая всех присутствующих, в сторону своего рабочего стола и достал из ящика папку с бумагами.

— Я специально решил дождаться всех, прежде чем начать презентовать результаты, которые были получены буквально вот только что. — Перед следующими словами я заметила, как Влад скользнул взглядом по Олив. — А ещё пришлось немного поразмышлять перед сном, и я вышел на весьма спорные моменты.

— Угу, этот хрен нас даже кофею не угостил, — пробубнил Нэйтан, сидящий за столом Влада, с опущенной на руки головой и, кажется, находился в ещё более полусонном состоянии, чем остальные, которые даже не обратили внимания на его возмущения.

Рус.: Давай, начинай.

Влад встал перед всеми нами, словно ученик, отвечающий у доски. Он посмотрел на Виктора, и тот утвердительно кивнул.

Вл.: Вотерн Анжела Вячеславовна, 19 лет. В крови небольшая доза никотина. Скорее всего, она получила её во время изнасилования. Сделал ставку исходя из имеющихся недавних случаев. Приписать её к ним не получается из-за отсутствия внутреннего органа — другие схожие случаи. Изнасилование и изъятие органа произошло поочерёдно в разных местах.

В полый ране обнаружена жидкость в больших объёмах — формалин. Разорванные половые органы, органы малого таза, брюшная полость.

Руслан доблестно смог раздобыть немного дополнительной информации. Слово ему.

Руслан вальяжно стоял позади нас.

— Анжела училась в одном институте, но на разных специальностях, с неким Дмитрием Чукотским. Род отношений между ними пока не установлен. Сам Дмитрий давно перестал появляться на учёбе, несмотря на положительные отзывы преподавателей о нём: добрый, прилежно учился, вежливый, активно принимал участие во внеклассной деятельности.

Родился и жил в Жирновске. Сюда приехал учиться. Сейчас проживает на съёмной квартире. Там, судя по всему, то-

же давно не появлялся. С родителями не контактирует, они с ним тоже. Именно друзья Чукотского описали внешность девушки, с которой он общался, подходящую под описание нашей Анжелы. Из опроса выяснилось, что оба в разное время стали странно себя вести: спутанная речь, рассеянность, отстранённость, самопроизвольные панические атаки, часто происходящие во время лекций.

— А теперь Кейлин. — Влад слишком резко переключил тему, чем застал врасплох и заставил вздрогнуть. — Могу я при всех сказать по поводу сложившегося инцидента?

Все с любопытством перевели свой взгляд на меня. Виктор, стоящий у шкафов со сложенными руками на груди, опустил голову, а Нэйтан, наоборот, резко её поднял. Поскорее хотелось узнать, какой вердикт вынесет Влад, и я утвердительно кивнула. Он кратко посвятил остальных в ночное происшествие, прежде чем огласить результаты.

— Анализ показал присутствие в крови бензодиазепина. Пока без какой-либо конкретики, просто бензоед. И я искренне верю, что это какая-то ошибка. Есть здесь те, кто думает иначе?

Все молчали. Я, как зашуганная кошка, бегала глазами по лицам своих друзей.

Вл.: Что ж... Мы все понимаем, что произошло вчера в поликлинике и кто был инициатором этой проверки. Появляется вопрос: почему?

Н.: Ну а что ещё пятеро дебилов могу делать в таких ме-

стах? Конечно, появились вопросы. Я б тоже так сделал.

— Тогда почему не начать со своих детишек? Но нет, проще прикрыться мной и связать это с приёмом препаратов, которые мне назначали после выписки. — Я всплеснула руками от злости и шлёпнула ладонями по бёдрам.

Н.: Ты о чём?

Вл.: Погоди. Напомни, какие у тебя препараты?

— Цитиколин и пирацетам.

Вл.: А... Тогда в пролёте.

— Джамия, медсестра эта, которая прививки нам делала, судя по всему, была неплохо осведомлена о моём положении, и это она сказала, что надо взять кровь для проверки эффективности лечения... Олив! Я, кажется, прекрасно понимаю, кто стал инициатором. Да? Твоя мать? Ты знала об этом?

Не знаю, почему я решила сорваться именно на ней, но как же я терпеть не могла, когда в мою жизнь так нагло влезают. Бедная Олив аж вся съёжилась.

— Лина, солнце, успокойся. Давайте вы не будете ругаться? — подал голос Виктор и подошёл ко мне, взяв за руку.

— Просто почему нельзя было поговорить с нами напрямую? Зачем так поступать?

— Вот с этого вопроса было корректнее начать. — Влад казался отстранённым от ситуации, с каменным лицом, невидящим взглядом; одна его рука с бумагами была упёрта в бок, второй он упёрся в стол.

Вик.: Лин, посмотри мне в глаза и скажи одну вещь. Честно...

— Виктор, нет!

— Хорошо, хорошо... — Виктор выглядел расстроенным, он вжал меня в себя, поглаживая по волосам, и пытался успокоить как плачущего ребёнка, повторяя каждый раз: «Тшш, тшш...»

— Есть несколько моментов, из-за которых я, на самом деле, поступил бы так же. По порядку. — Влад немного оживился, снова выпрямившись перед всеми нами. — Первое — не так давно у нас спёрли формалин. Собственно, по этой причине у нас наконец-то повесили камеры на посту... И, чудится мне, никто из вас не сможет ответить на вопрос: что же случилось в тот вечер?

— На нас напали, — усмехнулся Нэйтан, посмотрев на всех так, будто боялся оказаться не правым.

— Мы попытались свалить в разные стороны, когда... — Виктор нахмурил брови и опустил задумчивый взгляд в пол, выпуская меня из объятий.

Вл.: Когда что?

Н.: Когда мы увидели стрёмную рожу, которая побежала на нас с воплями.

О.: Чего?

Вл.: Так, уже результат. Что ты делал дальше?

Н.: Наверное, дал тапку в пол.

— Можешь описать эту твою стрёмную рожу? Потому что

лично я не припомню, чтобы вообще видел его лицо. — Виктор обратился к Нэйтану с претензиями.

Вл.: А что ты помнишь?

Вик.: Крадущиеся шаги позади нас... Я напрягся и потянулся за шокером в кармане.

— Ребята. У нас ещё есть Кейлин. — Оливия попыталась вложить в свой тон максимум серьёзности, но в её глазах всё равно читался страх и неуверенность — Да, Лина? Ты ведь ушла от нас. Где ты была?

Это был очевидный ответный выпад в мою сторону.

— Я забрела на этаж ниже, а потом услышала, как меня кто-то позвал. Побежала к вам и увидела лежащего на полу Влада, — невозмутимо проговорила я.

Н.: Так и что вы, собственно, пытаетесь тут выяснить?

— То, что мы ни хрена не помним, — устало выдохнул Виктор и потёр ладонью лицо.

Вл.: Абсолютно верно.

— Но почему?

Вик.: Надышались формалином от трупа?

Вл.: Нет. Маловероятный исход. Она должна была проваляться там гораздо дольше. И доза для такого большого пространства слишком маленькая.

О.: Подождите. Труп позвонил в полицию?

Н.: То-то у них номер не определялся. Номерок с того света.

Вл.: Кстати, о баранах. — Влад кинул на стол папку, ко-

торуую держал при себе, и сложил руки на груди. — Во-первых, не в полицию, а на 112. Во-вторых, девушка оставалась жива после изнасилования и какое-то время после изъятия почки. Между прочим, именно поэтому внешний вид трупа и время смерти не соответствуют. При связывании с белками формалин может вызывать некроз тканей у живого человека. Так что у неё вполне было время сделать звонок прежде, чем её добили. И, судя по всему, она не лежала на месте, а пыталась ползти. Но последний удар тупым предметом пришёлся в висок, что и стало причиной смерти.

О.: Хорошо, а при чём тут моя мама?

— Ну... Сама теперь видишь картину и что мы тогда говорили полиции. Тут и твоя мама, и отец Виктора. — Влад изъяснялся очень аккуратно.

— А мои анализы тут при чём?

Вик.: Из той же оперы, о которой я тебе вчера рассказывал. Случаи с передозировкой наркотическими препаратами.

— А самое главное, — Влад выставил указательный палец и приподнял брови, — ты бы без труда могла их достать через меня. Ну, если мы представим такую картину, что я позволил бы нам такое сделать.

Вик.: Значит, и у нас всех бензоиды. То есть мы наркоманы. Не самая лучшая репутация для Влада, который может лишиться не только работы.

Н.: А ещё на наркомана легче всего скинуть пропажу фор-

малина из бюро. Потому что тяжело представить, что это сделал кто-то не из сотрудников.

— Типа мы формалин убийцам-культистам, а они нам дозу?

Вл.: Тоже вариант.

— Боже, что за бред тут творится... — Олив тяжело выдохнула и начала расхаживать по помещению туда-сюда, с прижатой ко лбу ладонью.

— Если бы мы знали, что это такое, но мы не знаем, что это такое. — Нэйтан словно смотрел в пустоту перед собой.

Вик.: Согласен. Всё, что мы сейчас здесь сложили, — это бред, притянутый за уши. У нас слишком бурная фантазия.

— Хочешь сказать, ты не доверяешь собственному другу?

— Всецело принимаю всё, что он изложил в заключении по трупам на бумаге. — Виктор резанул рукой воздух. — Со всем остальным ещё предстоит разобраться.

— С чем именно ты собрался разобраться? — Сейчас меня немного разозлила позиция Виктора вступать в любое дело, выставя себя командиром.

— С проблемами, которые мы можем схлопотать, дорогая. — Виктор произнёс это прямо мне в лицо, а затем зашагал обратно к шкафам, прижимаясь к ним спиной. — Когда Елена получит результаты по анализу крови?

Вл.: Она выходит на сутки завтра утром.

— Значит, у нас есть время что-то придумать, а пока давайте сходим куда-нибудь позавтракать, я жра... — При-

ободрившийся Нэйтан приподнялся со своего места.

О.: У нас нет времени. Можно просто позвонить и спросить про результаты.

— Ну бляяя... — жалобно простонал Нэйтан, обратно плюхнувшись на стул, и показательно захныкал.

Вик.: Влад, ты разговаривал с Лариен?

Вл.: Ещё нет. Звонил только про анализ узнать.

Вик.: А почему?

Вл.: Что я ей скажу? «Дорогая, не могла бы ты пока ничего не говорить Елене Геннадьевне?»

— Тем более что кроме Лариен в лаборатории есть и другие сотрудники, к которым Елена может без труда обратиться.

Вик.: Значит, нам самим надо стащить информацию из лаборатории...

— Погодите, погодите. Вы о чём вообще? Вы хоть слышите себя? — В разговор вступил Руслан, продолжавший всё это время стоять позади нас. Он изъяснялся довольно жёстко. — Что и для чего вы собрались делать? Если ваша Кейлин не наркоманка, никаких бензоидов не принимала, тогда на кой пыжиться? Что бы потом точно и работы лишиться, и в тюрьму дружно сесть? Уж от тебя, Владислав Холмаков, я такого не ожидал. Раз играете в следователей, почему бы вам с другого вопроса не зайти? Например, меня лично интересует: как тогда на самом деле в кровь Кейлин попали наркотики?

Вы все уверены, что бензоиды есть только у Кейлин? Влад, ты же ночью свою кровь на анализ брал. Возьми и глянь потом результаты.

— Короче, в пизду... — Виктор раздражённо махнул рукой. — Я от души не понимаю, почему всё так сложилось. Надо было самим ехать на заброшку и всё обсматривать. Надо было тебе лично, Влад, на всё плюнуть, поехать вчера туда и всё сделать. А щас мы сидим, как дебилы, тычемся в то, что попросту могла упустить полиция, у которой на это не хватает квалификации...

— Лина предлагала вернуться туда, ты как упрямый осёл не согласился. Сам сказал, что полиция всё порешает. И я ещё изначально пыталась спросить, кто что помнит о том моменте. Нет же, надо было перебить. Ты-то знаешь всё лучше. А это, в первую очередь, вопрос нашего здоровья. Теперь сиди и радуйся, что в твою девушку кто-то без твоего ведома впихнул наркоту. — Оливия угрожающе надвигалась на Виктора, тыча в его сторону пальцем. Даже её постоянные смягчения прозвучали слишком твёрдо.

Как же он сейчас прожигал её взглядом. Казалось, ещё одно слово, и он накинется на неё с кулаками.

Н.: Короче, всё, хватит. У нас пока нет дельной информации, чтобы что-то дальше решать. По трупам и так всё понятно, спасибо за интересную лекцию.

Вл.: Вообще-то, вопросов на самом деле действительно много, и раз за разом появляются новые.

— По-то-му. Что. Ма-ло ин-фор-ма-ци-и... — произнёс Нэйтан по слогам. — И, Олив, ты не права. Полиции и нашему судмедэксперту ещё предстоит много-много работы... — Он подошёл к выходу и обернулся к нам.

Вл.: Спасибо, друг, а помочь, как и всегда, никто из вас не желает?

Н.: Очень желаем. Я могу взять на себя переписку между Чукотским и Вотерн. Но сейчас я пошёл жрать и отдыхать от ваших негативных флюидов...

Нэйтан действительно ушёл. Олив тоже не стала задерживаться, отправившись на работу; и я вместе с ней.

Кадр № 2. Ожившее забытое

На работе всё было как-то грустно: и Нерецкий сидел у себя в кабинете за упорным трудом, и весь офис сегодня был тихим и спокойным. Самое лучшее сочетание для продуктивной работы.

Насладиться таким редким моментом помешало письмо на электронной почте от Нэйтана: «Прости, забыл скинуть раньше». К письму прикреплялось вложение с папкой, название которой теперь представлялось обычными буквами: «Джефф».

«Джефф, Джефф, Джефф... Знакомое имя». Но я никак не могла вспомнить. Голова сильно разболелась от маленького, вставшего в какую-то пустоту кусочка. Я поспешила открыть папку с единственным в ней документом.

«Нет ничего хуже, чем вернуться в дни, когда я была маленькой. Врач говорил о возможности повторения.

«Так устроена моя психика, и я не научилась справляться иначе».

*Прошло много времени, и я думала, что в моей жизни могло что-то измениться. И моя мама умерла. На похоронах отец не подошёл ко мне, мы не разговаривали. Папа передал кулон **ЕГО ЖЕНЫ**.*

Вечером я встретила тульпу. Он был другой, не как тогда. Он назвался Джеффом. Мы встретились в подъезде.

Джефф почему-то хотел меня убить. Ещё не понимаю до конца, что это значит для меня.

1. Врач говорил, что тульпа может действовать и выглядеть согласно нашему подсознанию.

2. У подсознания на одну и ту же картину могут быть разные ассоциации, как сон, который показывает значения совершенно, на первый взгляд, несвязанными вещами.

3. Лицо Джеффа было почти белым. У него чёрные волосы. Белая перепачканная толстовка. А ещё у него какие-то необычные глаза. Серый. Или голубой, как у умирающих людей.

4. Он ведёт себя странно. Появляется редко. Пытается подойти, что-то сделать.

5. Не пойму, чего хочет Джефф.

Рядом со мной есть Виктор, мне не нужна тульпа. Может, я просто сомневаюсь в этом? Поэтому Джефф так себя ведёт? Я должна дать ему жизнь. Через него я смогу увидеть, что со мной и что во мне творится на самом деле. Раз это произошло снова, значит я есть причина. Значит, я должна помочь себе».

Оцепенение и непонимание — моё состояние на весь оставшийся день. Я помню похороны мамы, помню серебряный кулон в виде совы, что теперь ношу не снимая, но не помню никакой тульпы.

Неужели те вспышки в сознании были моими воспоминаниями о нём? Что он пытался сказать? Предупреждал об

опасности? Как всегда, внутренне мы знаем и замечаем куда больше. Где же Джефф теперь? И почему он вообще появился?

Копаться в себе — дело гиблое. Я, как всегда, что-нибудь напридумываю, чего на самом деле нет. Писать, делать заметки — здесь тоже всегда есть шанс что-нибудь приукрасить. Поддаться мимолётным эмоциям, что не отразят настоящее. А я нуждаюсь в настоящем, в реальности, которую несут за собой Виктор, мои друзья, моя работа.

Возможно, такой вывод уже приходил в голову, поэтому папка была закодирована. Правда, странно, что попутно я решила удалить остальные документы с жёсткого диска, которые напрямую относились к работе.

Я продолжила заниматься рукописью по убийствам — описывала складывающуюся картину с добавлением новых деталей. Получалось всё плохо и скомкано. На мой взгляд — совершенно не приемлемый текст для журналиста. Поэтому пришлось начать заново, с чистого листа и от руки. Мне всегда так нравилось.

По дороге домой прочитанные на работе строки стали отдаваться голосами в голове. Апатия, как ведро с ледяной водой, опрокинулась на меня с новой силой.

Вместе с щёлкнувшим выключателем сознание вернулось в реальность. Ещё два щелчка. Ничего. В квартире не было света, как и во всём доме. Как и во дворе.

На кухне хранились свечи и спички, позже добавились за-

жигалки от Виктора. Мама всегда держала в доме такие вещи, на всякий случай. И я поступила точно так же, закупивших ими ещё в первый день заселения в съёмное жильё.

Весь остаток вечера я провела на диване, с закинутыми ногами. Веки постепенно тяжелели, щёки пылали жаром, а тело чувствовалось измождённым, как будто я ревела добрых три часа кряду. Я рассматривала красиво пляшущие огоньки на подсвечнике. Глаза то открывались, то закрывались, с каждым разом на более длительный промежуток времени.

Открыв глаза в очередной раз, я поняла, что провалилась в поверхностный сон. За пламенем свечей появилось очень знакомое лицо. Кто-то сидел рядом, смотрел на меня. Глаза снова закрылись, и я вновь попыталась погрузиться в мягкую сонную пелену, если бы не... Лицо! Там было белое лицо!

Первое, что пришло в голову, — бежать. Надо схватить лежащий рядом телефон и бежать в ванную. Закрыться, позвонить Виктору.

Прежде чем я полноценно смогла сформировать эти мысли, моё тело уже действовало наперёд. В ванной я продолжала держаться за ручку закрытой двери, подтягивая её на себя. Другая рука искала в телефоне нужный контакт.

— Зай, приди, пожалуйста. Прямо сейчас, хорошо?

Телефон выпал из дрожащих рук на кафельный пол. Когда я потянулась за ним, то случайно тыкнула кнопку сброса вызова.

Мне и думать не хотелось, как я в таком состоянии позволю себе выйти открыть дверь Виктору. Неужели меня могла так напугать собственная тульпа? Это ведь был он?

Я притихла. Вслушалась. Какой-то тяжёлый ком из головы упал в живот, раскатившись болью. В темноте и тишине этот ком взорвался, превратившись в лёгкий едкий дым. Страх отступил, оставив за собой невесомость; оглушил, как лопнувший шарик. Я чувствовала облегчение, будто точно знаю, что всё позади, или хотя бы свыклась с фактом, что за дверью всё-таки кто-то есть. Надо проверить, узнать, попытаться сопоставить написанное с реальностью.

— Дж-жефф? Верно? — Короткая пауза. — Тебя зовут Джефф!

Из коридора послышался самый мерзкий смешок на свете. Я приоткрыла дверь и выглянула в темноту, к которой мои глаза уже привыкли. Фигура стояла ко мне боком, облокотившись о стену, упершись в неё одной ногой; руки сложены на груди, голова опущена. Свисающие чёрные волосы и накиннутый капюшон не позволяли разглядеть лицо.

— Ты слишком глупая или слишком самоуверенная.

— Со вторым фактом я могла бы согласиться больше.

— Слишком глупо оставлять свои следы там, где не надо.

И слишком самоуверенно пытаться найти то, чего нет.

Джефф выделял разными интонациями каждое слово, произнося некоторые слоги слишком растянуто. В его голосе оскал менялся на улыбку; высокие ноты, словно заигры-

вание, переходили в низкие, угрожающие. И вместе с тем в его речи вовсе не было никакого эмоционального окраса.

— Не уверена, что понимаю, но я действительно планировала поискать тебя... Сразу после того, как вообще вспомнила про твоё существование. — Я аккуратно сделала несколько шагов вперёд, выходя из ванной.

— Вот как ты заговорила?! Только за грубость придётся платить собственным существованием. Не советую держать меня за игрушку — захотела, провела время в одной компании, надоело — переметнулась в мир собственных грёз.

— Нет, прости, я не хотела тебя обидеть. Ты не так понял... — Я теребила кулон на шее и слишком сосредоточенно смотрела перед собой.

В детстве у меня действительно был опыт с тульпой. Знала, как она, а вернее, он, работает. Поначалу было проще, пока тульпа не обретает собственное сознание и личность. Он становится отдельным от создателя и зачастую уже не может знать вещей, происходящих вне поля его зрения.

С Джеффом выходила неизвестность. Понятно только то, что он уже является отдельной личностью. Как происходили этапы его развития, судя по всему, меня можно даже и не спрашивать. Более чем вероятно, он появился не по моему собственному желанию, а являлся порождением моей психики, которая имела мне что-то сказать. А это означает, что я прикована к нему больше, чем он ко мне. Это значит, что мне нужно его слушать и следовать за ним. Он сам даст от-

веты.

— Мне важно понять, зачем ты пришёл. И сейчас, и вообще. Потому что после больницы тебя не было. — Я уверенно смотрела на Джеффа. Страх отступил, но напряжение осталось.

— Пытался понять, как с тобой поступить. Признаюсь, ты смогла меня удивить. Кеееей. ЛИН! — Моё имя прозвучало так, будто он зевнул в это время.

— Удивлена не меньше твоего. Особенно когда поняла, что ни черта не помню некоторых вещей, которые со мной происходили до больницы.

Джефф резко дёрнулся и отпрянул от стены, нервно хихикая. Помотал головой и снова спокойно вернулся в прежнюю позицию.

— Значит, ты его просто обронила? Какая печаль. Знаешь, я всё равно его просто выбросил.

— Кого?

— Поищи в куртке.

Я рванула к вешалке у входной двери. В куртке, в её карманах у меня могло быть только одно — брелок, который мне этим летом подарил Виктор. Я судорожно сглотнула, когда не нашла его на месте.

— Не волнуйся. Ты можешь попросить его обратно в любой момент.

— Хорошо. Верни мне его...

— А где «пожалуйста»? А как же встать на колени и жа-

лостливо умолять?

Я презрительно уставилась на Джеффа. Его просьба меня ничуть не удручала — исполнять её я не собиралась.

— Ладно. У меня всё равно его нет. Просто решил позволить тебе отрепетировать свою речь перед Виктором. — Последнее предложение он произнёс скучающе и как бы невзначай.

— Отличное развитие событий.

Я тяжело вздохнула. Ситуация выходила из-под контроля. Становилось всё тяжелее сосредотачиваться на Джеффе, на разговоре с ним. Из меня как будто высасывали энергию. И я больше не собиралась тратить на пустую болтовню. Тем более что Виктор может подойти с минуты на минуту.

— Так, в общем... Ты должен мне помочь всё вспомнить. Это важно. — Я затараторила, выставляя ладони вперёд.

— Кому должен, тем прощаю. Я тебе помогу. Только не так, как ты думаешь.

— Да хоть раком кверху. Меня совсем не устраивает такое положение, особенно если ставить на возможно полученную травму, — возмущённо и с нетерпением произнесла я.

— Тогда тебе могли бы помочь препараты... Кстати, которые ты не принимаешь.

— Я забываю.

— Забывчивость превращается в твоё хобби. Как ты вообще смогла вспомнить обо мне? — спросил Джефф с презрением.

— Восстановила документы с жёсткого диска.

Джефф отпрянул от стены и начал ходить передо мной туда-сюда, а я безрезультатно пыталась взглянуть в его лицо.

— Что там было?

— Папка с твоим именем и один документ с упоминанием смерти матери и нашей первой встречи.

— Момент, из-за которого ты попала в больницу, помнишь?

— Тоже нет.

Джефф остановился. Его, казалось бы, простая поза виделась мне угрожающей.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вроде нормально.

— Головные боли, кашель, панические атаки?

— Нет. Ничего такого.

Я заметила, как в руке Джеффа появился нож. Затем раздался звонок в дверь. Меня охватила паника, непонимание, что делать. Джефф стоял на месте, не собирався пропадать. Впустить Виктора при нём было бы неловко.

Джефф сам ушёл в сторону кухни, когда я бросилась открывать дверь, что-то недовольно пробубнив.

— Нож из спины достань. И рога у своей подруги подбери.

Ещё пара нетерпеливых звонков и стуков. Я распахнула дверь почти у Виктора перед носом. Вся на нервах, смущённая от неловкой ситуации.

— Виктор... Привет...

Нужно было скрыть образовавшиеся эмоции, завуалировать под желания, связанные с ним. Я резко бросилась в его объятия, отчего он немного пошатнулся назад.

— Ух ты! — Виктор едва касался меня одной рукой. Его тело как будто било мелкой дрожью. Он улыбался, но это не скрывало какой-то напряжённости с его стороны. — А я тут нам кое-что прихватил.

Я отпрянула от Виктора и заметила пакет в его руках.

— Там твои любимые конфеты и шампанское... Если позволишь.

Своеобразный намёк и моё желание хоть как-то восстановиться после тяжёлого разговора с тульпой совпали. Я схватила пакет и побежала на кухню открывать шампанское. Параллельно озиралась по сторонам в поисках ушедшего сюда Джеффа. Один глоток, и бутылка опустела наполовину.

— Вау! Прямо так?

— На хрен... Всё на хрен!

Простонала я и впилась в губы Виктора с надеждой выбить огромную дозу бушевавшего в крови адреналина. Из приоткрытого балкона дул прохладный ветер.

Запись № 9. Два взрослых мальчика

Кадр № 3. Главная улика

В бюро остались трое, не считая трупа. Руслан вышел покурить, а Виктор предложил Владу отправиться на заброш-

ку. Теперь им было что искать, а главное, они имели хоть какое-то маломальское представление, что именно надо искать или на что стоит обратить внимание.

Они разделились. Влад осматривал помещение, где недавно сидела вся их дружная компания, и прилегающие комнаты. По правой стене был проход, в который побежал Влад, — здесь его нашла Кейлин, лежащим на полу. Через этот проход, скорее всего, Нэйтан мог видеть нападавшего. Второй проход вёл в большой зал с лестницами и лифтовыми шахтами. Через него нападающий мог подкрадываться сзади, как говорил Виктор. А ещё Влад вспомнил о странных жидких пятнах, рядом с которыми проводил пальцем по пыльному полу.

Сам Виктор отправился на нижний этаж, где обнаружили труп. Для него было важно найти ответ лишь на один вопрос: «Была ли здесь Кейлин?» Мысль о том, что она в тот вечер набрела на труп и ничего не сказала даже ему лично, не давала покоя.

С фонарём в руках мужчина обшаривал каждый угол, цеплялся за каждую кучку мусора. Он хотел верить в ошибочность давно сложенной картины, но это показало бы его окончательную недееспособность. Нельзя дать слабинку перед самим собой, нужно сражаться дальше. В том числе и за свою девушку, потеряв которую, Виктор потеряет себя самого и смысл своей жизни. Не потому что он её так сильно любил, а потому что не мог снова позволить кому-то отнять

его главную мечту, как это сделал Грошов однажды.

Рядом с местом обнаружения трупа, перед подвальным помещением, находился узкий закуток. Он был пустой, с маленьким окошком, расположенным слишком высоко; с разным мусором по углам и небольшой дыркой в полу — в ней так же был навален мусор.

Сначала мужчина собирался пройти дальше — на поиски, которые теперь представлялись бы почти бессмысленными. Но в небольшой дырке лежала зайка. И Виктор не сразу понял это, пройдя вскользь по всему тому набросанному в неё хламу. Брелок с зайкой, что он летом просто так подарил Кейлин. Девушка носила его в кармане кожаной куртки, так и не решив, куда его лучше всего было прицепить.

Виктора трясло от мысли, что его девушка может быть связана со всем происходящим. Помнит ли Кейлин одну из их совместных прогулок здесь? Неужели это он подтолкнул её тогда к безумию? Он положил брелок в карман своих джинсов и направился к Владу.

— Ну что? Есть прогресс?

— Ой, блять! На хер ты подкрадываешься? — возмущенно воскликнул Влад на внезапно появившегося друга. Он поднялся с пола, держа в руках ватную палочку и пробирку.

— Я шёл как слоняра. Ещё и на бутылку какую-то наступил.

— Бутылку? — Влад осмотрелся по сторонам, будто забыв про то, где находится. — Извини, задумался, видимо.

— О чём? Или о ком? — Виктор покосился на друга с прищуром и хитрой ухмылкой. Он прильнул плечом к стене, сложив руки на груди.

Влад поднял грустные глаза на Виктора и помотал головой, без слов прося не начинать развивать эту тему.

— Я взял мазки с некоторых пятен на полу и стенах. Пока утверждать что-либо не берусь. Даже не докапывайся.

— Ты чего такой поникший?

— Да ты тоже в последнее время не свежий огурец. — Влад сделал большую паузу перед тем, как продолжить: — Слабину даю, Витька. Запутался я чё-то. — Он закрыл пробирку и приступил к упаковке собранного материала.

— Как дело сложное на стол попало, так сразу голову в песок? Думаешь, ты не такой классный эксперт, как Дробашов?

— Не знаю... Не знаю, что произошло, что сейчас происходит. Просто что-то изменилось в тот вечер, когда мы...

— Когда на нас напали?

— Когда Кейлин попала в больницу. Ещё тогда всё потихоньку по одному месту пошло.

— В плане?

— Да ощущения странные накатывают. И мысли. Прикол в том, что я их даже у себя в голове сформировать не могу. А уж с момента нападения тем более нечего говорить. Как будто всю радость высосали. У тебя вот такого чувства нет?

Виктор и Влад зашагали на выход, остановившись у забо-

ра из металлической проволоки, ограждающего заброшенное здание, рядом с грудой мусора в траве. Виктор достал сигарету и сделал одну затяжку, прежде чем ответить.

— Есть что-то такое. Просто я бы предпочёл с этим не сталкиваться. Но надо двигаться несмотря ни на что. Надо идти дальше наперекор всему. Даже если в итоге мы получим только хреном по лбу. Нам ничего не должно помешать, дружище. Анализы Лины в том числе...

— Разве ты не согласен с Русланом? — Влад резко перевёл взгляд на друга, начиная волноваться.

— Может, и согласен. А может, мой вариант всё-таки правильнее.

— Подумай хорошенько над тем, как ты собираешься меня убедить, пока мы будем ехать обратно до бюро. Обсудим план после того, как я закину мазки на анализ.

— Вот видишь, ты и так согласен. — Виктор хищно улыбнулся, положив руку на плечо Влада.

Он кинул недокуренную сигарету в траву, где заметил капли крови.

— Смотри. — Он показал пальцем в сторону обнаруженной улики.

— Опа, чирик. — Влад не раздумывая взял ещё один образец для анализа.

По возвращении Влад и Виктор встретили поедающих пиццу Нэйтана и Руслана.

— Приятного аппетита голубкам. — Виктор плюхнулся

на диван рядом с ними.

Рус.: Вот, думали тебе кусочек оставить, но теперь фигу тебе.

Н.: И ту без масла.

Нэйтан и Руслан, громко чавкавшие до этого, переглянулись и злостно рассмеялись. Влад тяжело вздохнул от такой картины и молча направился выполнять свою часть работы. К друзьям он вернулся достаточно скоро.

Вл.: Так что, я тебя слушаю, Виктор.

Вик.: Ну, если хочешь, я буду откровенным. Во-первых, терпеть не могу, когда кто-то делает что-то за спиной, как какая-то крыса. И мне глубоко плевать, чья это была идея. Это полное отсутствие уважения, это нарушение личных границ. Моей девушки. Если им что-то надо узнать — пускай подходят и спрашивают напрямую. Не надо мне читать лекции о том, что они могли там себе надумать и потому сделали именно так.

— Вопрос ещё один. — Руслан быстро сглотнул и откинул в коробку кусочек пиццы, отряхивая руки друг о друга. — Ты не думал, что наркотики могли проникнуть в кровь через рану? Через оружие, которым было нанесено ранение? И бог весть что ещё было на нём. Заражение подцепить как нефиг делать. Ещё раз тебе говорю, что, как бы там ни было, но раз ты так дорожишь личными границами своей дамы сердца, то и про здоровье её подумай тоже. Пусть лучше об этом узнают, зато в случае чего потом не будет претензий по поводу

возможного СПИДа. О, кстати, да. — Он деловито поднял указательный палец вверх.

Вик.: Заткни своё...

Н.: Рус дело говорит, а ты рискуешь Линкой в угоду своей правоте. Почему всё должно быть так, как сказал ты?

Вик.: Давайте, знатоки. Идите докажите, что наркотики были на орудии. Кто в это поверит? Кто это станет копать? Те люди, которые до сих пор жопу свою не рвут с убийствами и пропажами? Давайте дадим им ещё больше улик, с которыми можно нагряться в прокуратуру. Конечно, моему отцу-то делать больше нечего, как чай с ними гонять, чтобы прикрыть стадо баранов, наткнувшихся «по чистой случайности» на труп. Сын полка, судмедэксперт, журналистка, в крови которой обнаружили всем знакомые бензодиазипины, пропажа формалина в бюро, где работает дружок журналистки-наркоманки... Красивая картина вырисовывается?

Рус.: Как бы там ни было, вы всё равно непричастны. Вас ещё раз проверят на наркотики, ничего не найдут и отстанут.

— Хуй с тобой, — чуть ли не плюнув, твёрдо произнёс Виктор. — Пусть будет по-твоему.

Н.: Раз на этой прекрасной ноте наше собрание окончено, позвольте удалиться, господин Шнайдер.

Рус.: Вот ты, Витька, любишь суету навести.

Вик.: Не без этого.

Виктор тоже ушёл. Он гулял по городу и никак не мог выкинуть из головы свою находку: «Зайка». Как же ему хоте-

лось хорошенько стукнуть по чему-нибудь, лишь бы его не сломала собственная беспомощность.

В какой момент он споткнулся на совершенно прямой и пустой дороге, где всё вдруг смешалось, привычные методы переставали работать, — мужчина даже не хотел признавать столь унижительного факта для себя. Виктор гордился Владом, который смог принять своё несовершенство, несмотря на то, что был действительно прекрасным экспертом. Просто он не знал ни о каком препятствии.

Кадр № 4. Досадная ответственность

Влад думал стать врачом, наверное, онкологом или хирургом, как его отец. Но жизненные принципы и устои его семьи, свели Влада в другое направление. Такое же строгое, беспрекословное, со своими ролями; со своей землёй под ногами. На этот путь он ступил не задумываясь.

В студенческие годы он был ещё тем зубрилой. Как только нашлось время на Лариен — не понятно. Пожалуй, Владу пришлось принять тот факт, что он воспользовался девушкой, доведя дело до брака. Или это сделала она? Лариен стала банальным разнообразием и отвлечением в его жизни. Сейчас его вечера были одинокими, за очередным медицинским пособием и мыслями только об одной.

Его нудный рабочий день с документацией подходил к концу. Если Виктор в очередной раз не проводит вечер в постели с Кейлин, он позовёт его и Нэйтана погонять в их любимую игрушку.

Влад вышел на уже тёмную улицу, вдохнул поглубже и решил, что сегодня до дома он пройдёт пешком. Ему не удалось сделать и шага, как рядом раздался знакомый хриплый голос.

— Ты уже всё?

Влад вздрогнул от неожиданности.

— Ты меня сегодня точно хочешь довести до инфаркта.

Виктор тихо рассмеялся. Он выглядел как-то грустно.

— Не хочешь сгонять в бар? Посидим, отдохнём, поболтаем. Нэйтана позовём. Не могу без этого назойливого мальчишки над душой.

— Не поверишь, только сейчас думал позвать вас погонять во что-нибудь.

— Хм. Тоже интересный вариант. Но сегодня сидеть бухать перед компом мне впадлу.

— А как же Кейлин? Вы поссориться, что ли, успели?

— Создам интригу для накала страстей. Меня возбуждает, когда она ревнует.

— Вам ведь уже говорили, что вы оба больные на голову? И пока мы не выпьем хотя бы три рюмки водки, уволь меня от вашей постельной жизни.

— Замётано. Я угощаю. Погнали.

В кармане пальто у Влада зазвонил телефон.

— Погоди минутку... Лариен.

Влад неожиданно замер перед другом с телефоном в руках.

— Мне ответить?

— Тьфу, бля... Алло?!

— Привет. У тебя ночная?

— Дай угадаю, ты хочешь, чтобы я зашёл?

— Заюш, ты чего такой душнила? Понимаешь... Я нашла парня и хочу с тобой поговорить.

— Я тут при чём? Или вы там тоже уже пособачились и

тебе некому выплакаться в жилетку?

— В смысле? Ни с кем я не собачилась. Чтоб ты знал, мы прекрасно ладим и он хочет детей.

— Вот он тебе это прям в первый день так сразу и сказал?

— Представь себе, существуют ещё нормальные мужики...

— Господи, Лар, ты всё ещё наивная глупая мечтательница.

— Да, я знаю, что для тебя иметь детей — это глупая наивная мечта...

— Ты уже на работе?

— Даааа, — протянула Лариен мурлыкающим голосом. Она явно чувствовала себя победительницей.

— Щас подойду, давай. — Влад быстро скинул трубку и зашагал вперёд.

— Куда, блять? — ничего не понимающий Виктор поспешил за другом.

— К Ларке схожу поболтать. У неё там мужик на горизонте пляшет с мечтой одной... Прекрасной... — Влад сейчас был то ли обозлённый, то ли напрочь обескураженный.

— Эта та самая? Про детей которая.

— Угу... Нет, вот ты скажи — я прав был или нет?

— Однозначно. Это была бы гиблая идея. Вопрос в том, хотел ли ты этого? Возраст-то уже вполне подходит к этому делу.

— Я тебя умоляю. Ты сам-то задумывался над этим?

— Хочу дочку, которая будет похожа на Кейлин. Даже если матерью моих детей будет не она.

Влад на секунду остановился, чуть не споткнувшись на ровном месте, и озадаченно посмотрел на Виктора.

— Не понял? Ты порой как что-нибудь ляпнешь, так хоть стой, хоть падай. Мне стоит переживать за твоё психическое здоровье?

— Которого и так нет? — печально усмехнулся Виктор.

— В последнее время всё хуже и хуже... Кстати. Забыл сказать: помимо мазков, я нашёл пакетик с каким-то порошком.

— Нормально. И где валялся этот пакетик?

— Рядом с лестницами, где ты спускался. Там закуток такой есть с кучей хлама. Чисто случайно набрёл.

— С него ведь можно попробовать взять отпечатки пальцев.

— А вот это дельное замечание. Вот видишь, я совсем рассеянный стал.

— Это возраст, друг... Это возраст.

Влад и Виктор подошли к территории больничного городка с задней стороны лаборатории.

— Ну что, идёшь на переговоры?

— Куда я денусь?

Влад набрал Лариен, сообщил о том, что уже подошёл к зданию и будет ждать её у главного входа. Виктор решил зайти с другой стороны, где был ещё один заход в лабора-

торию. И он был открыт.

Вокруг тишина, позволяющая хоть сколько-нибудь слышать разговор между бывшими супругами. Не то чтобы он интересовал Виктора, где наверняка проскочит тема детей, любви и прочей чуши, которую ему было тяжело выслушивать в одного, без Кейлин. Ведь он наверняка представит их в такой же ситуации. Только она могла удерживать землю под его ногами, не давала унести в порывы безумия и глупых, навязчивых мыслей, сценарии которых разыгрываются по ночам перед сном.

Лариен вышла к Владу и порывисто обняла его. Затем достала из кармана медицинского халата пачку сигарет.

— Ты прости, заюш, но рядом с тобой безумно хочется курить.

— Говорила, что бросишь.

— Знаешь, ты тоже много чего говорил. И вот мы оказались там, где оказались.

— Ну и что же у тебя там за парень такой крутой, который детей хочет от первой встречной?

— Не надо в его сторону претензий. Ты его не знаешь. И мы с ним уже месяц знакомы.

— Ааа, ну да. Целый месяц — это срок. Что ж ты за мной бегала весь этот месяц, если на горизонте маячил кто-то другой? Не боялась, что заревнует?

— А Витюшка тоже тебя ревнует к Кейлин? Между прочим, они вообще в первые же минуты засосались. Может,

ещё и трахались. — Лариен совсем не побоялась вновь коснуться щепетильной темы, ведь Влад сейчас разговаривал с ней очень мягко, с тёплой и нежной улыбкой на лице.

— Ты посмотри, какие слова-то новые выучила. Давно так общаешься?

— Ревнуешь, да?

— Безумно...

— Никакой серьёзности от тебя, Холмаков. Между прочим, я хотела поговорить о нас. Почему мы расстались? Хочу, чтобы ты рассказал про меня. Мы ведь уже разошлись, чего зазря умалчивать про плохие стороны? — Лариен подмигнула и улыбнулась Владу.

— Думаешь, узнаешь про свои минусы и побежишь исправлять их? Не в твоём характере. Неужели ты хочешь меняться ради какого-то там мужика, который сказал тебе что-то от балды.

— А ты-то всё знаешь. Давно ли психологом заделался?

— Лар, во-первых, я тебя не то чтобы когда-либо сильно любил. Мне просто нравился секс с тобой. А ещё было приятно, что в доме иногда было чисто. И с кухни раз в экстаз пахло чем-то вкусным. Помимо пельменей. — Влад перешёл на более серьёзный тон, но без капли упрёка.

— Что же ты сразу не сказал о своих претензиях?

— Всегда было терпимо. Я всё-таки уважал и уважаю тебя до сих пор. Я ценю время и заботы других людей. Если у тебя были дела поважнее уборки и готовки — прекрасно. То, что

ты находила время и на быт, — прекрасно.

— Тогда в чём проблема? — с некоторой претензией спросила Лариен, заметно погрузнев.

— В том, что эти отношения были ни к чему, ни для чего и ни для кого. Они нас не развивали, и мы ни к чему в них не стремились. И тут ты заводишь тему про детей. Какие дети, Лар? От скуки взбрела очередная мысль в твою красивую головку, с которой ты и понятия не имеешь что делать.

— Я была готова посвятить себя этому вопросу. Сейчас предостаточно курсов по материнству. Доулы, консультанты, няни, книги, видео в интернете...

— Замечательно. Для ребёнка нужны не видосы из интернета, а мама. Любящая мама, способная принять ответственность. Ребёнок — это не штука, которую захотел попробовать и почему бы не сделать.

На глазах Лариен проблёскивали слёзы. Она не могла позволить себе показать свои растрёпанные чувства. Только не перед своим бывшим мужем.

Лариен была запутавшейся девчонкой, которая и сама не знала, с чего прикипела к этому Владу. Вся её жизнь была сплошным вопросом. Всю свою жизнь она чувствовала себя одинокой, никому не нужной, недопонятой. Лариен услышала главное — Влад уважает её.

Она стремилась к вершинам, к покорению, к достижениям, а в итоге ничего путного. Да и что может получиться, когда на глазах розовые очки. Лариен поняла это слишком

поздно, слишком поздно приняла все свои ошибки и смогла разглядеть пустые пункты и размытую конечную цель в её планах.

— Влад, прошу... Дай мне шанс. У нас всё получится. Ты ошибаешься, — жалобно протянула Лариен.

— Лар, нет. — Влад и сам стал каким-то печальным. Как бы там ни было, а эта женщина — его бывшая жена, не чужой человек. — Я люблю другую... Всегда любил... Давно... — тихо и с хрипотцой в голосе подытожил он. — Нам надо окончательно прекратить общение. Не звони мне больше. Пожалуйста. Не преследуй. Так будет лучше для нас обоих.

— Влад, прошу!

Лариен расплакалась и кинулась в объятия к Владу, но тот оттолкнул её и ушёл. Уже навсегда.

Виктор нагнал друга за территорией больничного городка. Влад не останавливался, не заговаривал. Они быстрым шагом шли в бар, как и договаривались изначально. Два лучших друга, одно чувство на двоих, пара крепких коктейлей и красивые девушки.

Запись № 10.

Изъедающая философия

Кадр № 5. Причина — смерть

Я чувствовала его рядом, и мне было спокойно. Даже во сне он не отпускал меня — держал за руку. Тысяча мыслей в голове норовят занять удобное место, как у психолога в кабинете, с надеждой, что их выслушают и они будут услышанными. Бесполезный бой с тем единственным, занимающим главное место, — Виктор.

Наша первая встреча с первым поцелуем ни разу не давала даже повода задуматься о том, что мы можем стать парой. На следующий день, когда я вышла из редакции, на улице меня поджидал Виктор. Он страстно меня поцеловал, так, будто мы уже давно встречались и знали друг друга. Мы ужинали в ресторане, общались. Его вопросы, которые он без умолку задавал, походили на заученное чтение текста. Вечер закончился сексом в его квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.